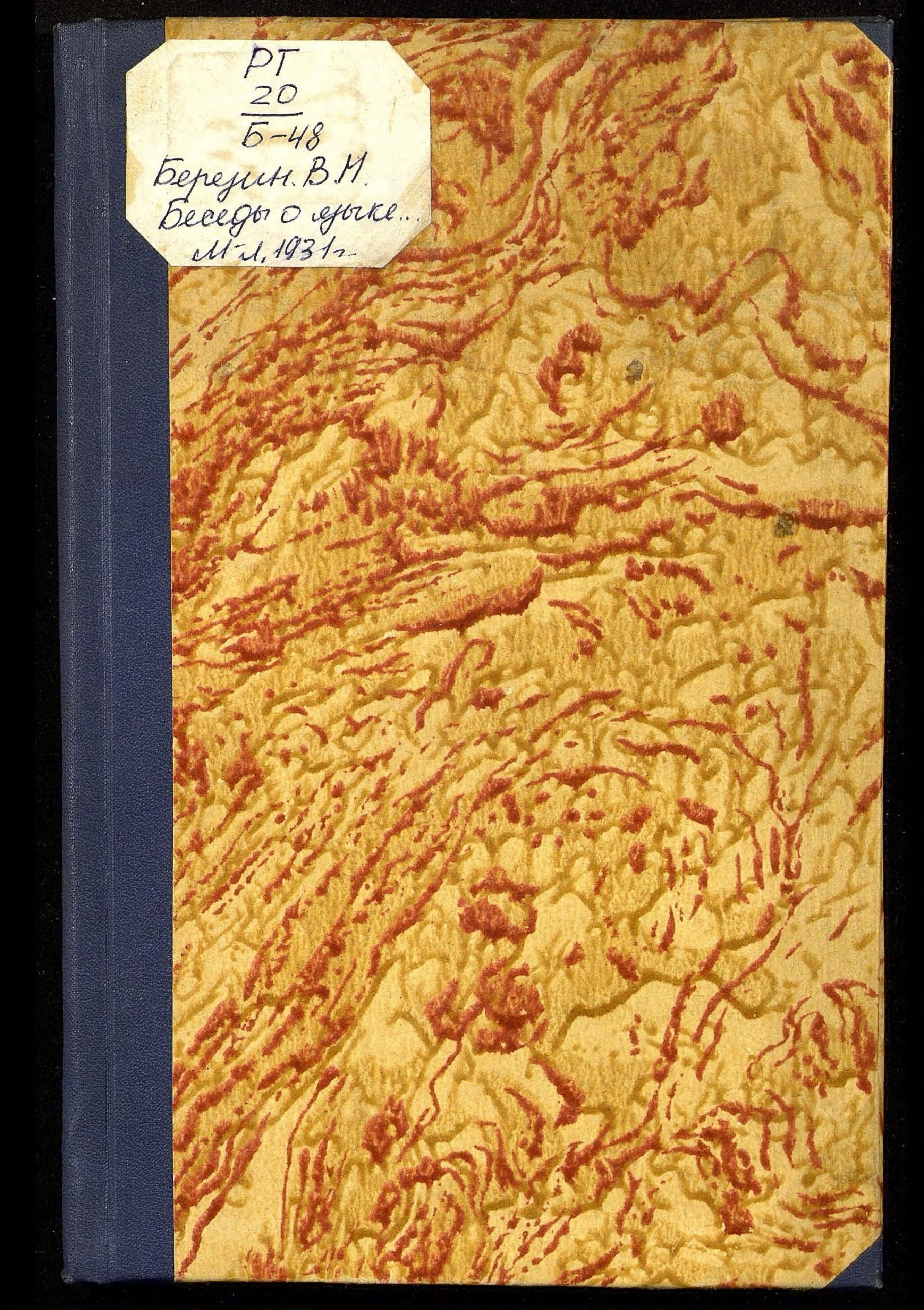

РГ
20
Б-48
Березин. В.И.
Беседы о языке...
М-Л, 1931 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАОЧНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

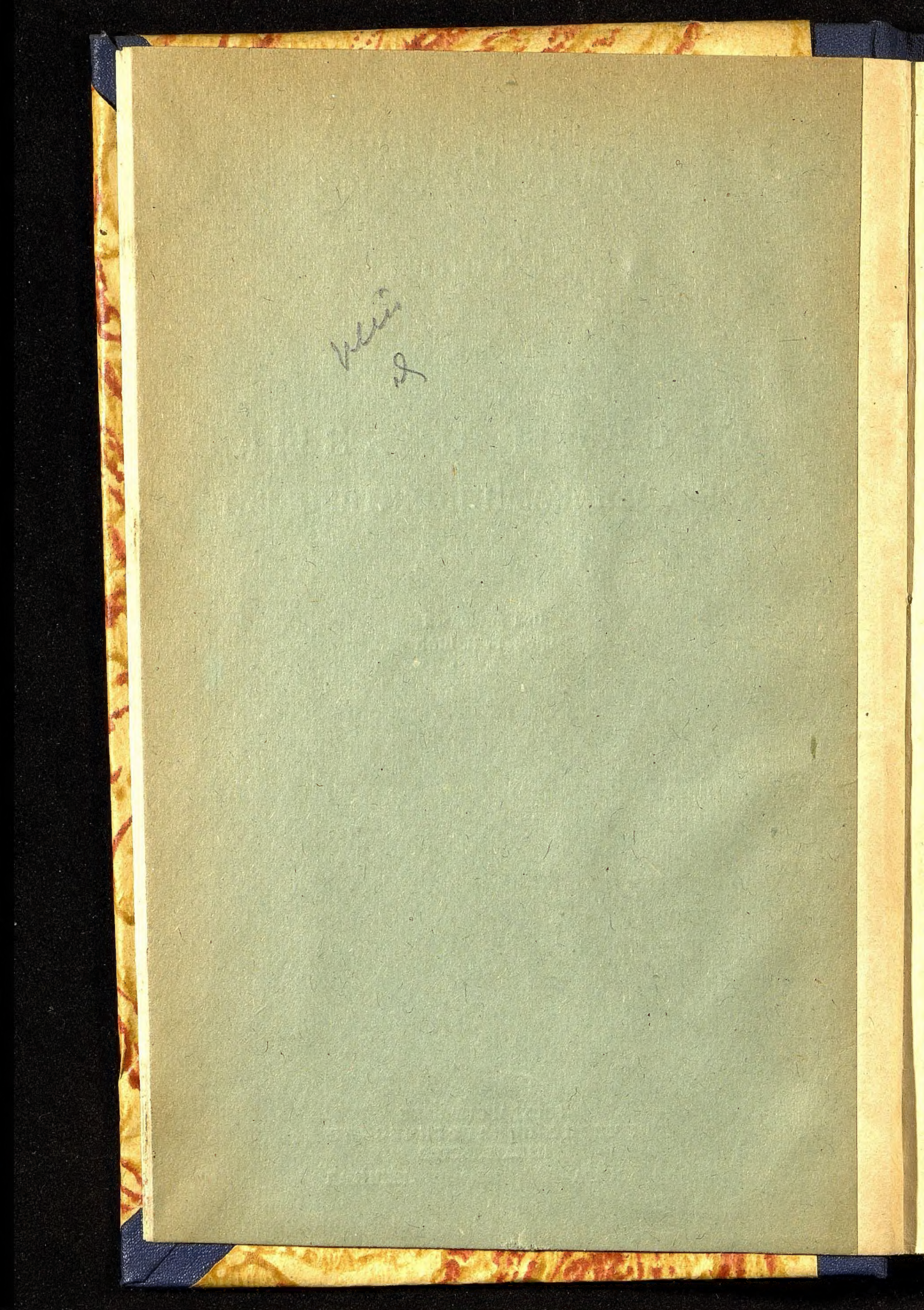
В. М. БЕРЕЗИН

БЕСЕДЫ О ЯЗЫКЕ
С РАБОТНИКАМИ ПОЛИТПРОСВЕТА

Под редакцией
проф. Р. И. ШОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИГРАД

В. М. БЕРЕЗИН

БЕСЕДЫ О ЯЗЫКЕ
С РАБОТНИКАМИ ПОЛИТПРОСВЕТА

Под редакцией
проф. Р. И. ШОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Сдано в набор 13/VI-31 г.
$5^1/_2$ п. л. 49840 зн. в л. ф. б.
62×54/16 вышла из печати
18/XI-31 г.

Техн. редактор **Шевеленко**

Главлит Б—12165 от 11/XI-31 г. учгиз. 1451. Ин. У—70. Тир. 3000 экз. Зак. 2519.

Типография «Мосполиграфа», Рязань, Сов. пл.

Моей смене на культурном фронте соцстроительства сыну Олегу и дочурке Танюше—посвящаю эту книжку.

Вл. Б.

9/IV–23/VIII 1931 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Беседы о языке» предназначены для массового работника политпросвета: ликвидаторов неграмотности, учителей школ малограмотных, избачей, книгонош, библиотекарей и т. д. «Беседы» ставят своей целью повысить теоретические сведения о языке у названной категории культармейцев, вооружив их элементами современного понимания языка и его действенной роли в политической жизни и классовой борьбе, дать практическому низовому работнику практические сведения о языке, как устном, так и письменном, помочь ему разобраться в основных принципах работы по языку со взрослыми, побудить к поднятию культуры своего языка, языка окружающих и своих учащихся.

Состав читателей настоящей книжки и цели ее обусловливают содержание и характер изложения бесед. Автор стремится к возможно наибольшей простоте и доступности в изложении ряда трудных вопросов в науке о языке (например о языке как идеологической надстройке), что иной раз требовало больших подробностей. Это стремление к популярности изложения, возможно, привело к некоторому упрощенному толкованию тех или других теоретических моментов в науке о языке, но автор полагает, что это упрощение не искажает принципиального взгляда на язык в современном его материалистическом понимании. а тонкости и уточнения — дело специалистов-языковедов. Работник политпросвета, культармеец главным образом, на базе элементарных научных представлений о языке должен быть вооружен практическими сведениями о языке для своей работы в массе и с массой. Это — во-первых. С другой стороны, автор, ставя себе задачу дать такие практические указания в борьбе за культуру языка, за выработку уменья им пользоваться как в устном, так и в письменном виде, стремился иллюстрировать эти указания рядом конкретных примеров, несложным анализом важнейших явлений художественной и деловой речи.

И в-третьих, то и другое — теорию языка и практику его — автор старался дать на фоне политической и классовой борьбы нашей эпохи, связывая предлагаемые сведения с потребностями политической работы культармейца. Этой направленностью постоянно руководствовался автор в процессе своей работы над книжкой. Отсюда может быть некоторая повторяемость указаний на необходи-

мость борьбы за четкость и ясность языка, повторяемость указаний на роль языка в классовой борьбе, повторяемость, необходимая и обусловленная тематикой бесед и основной целью книжки — побудить читателя к работе над своим языком, к использованию его в качестве острого оружия в борьбе за пятилетку, за пролетарскую культуру.

Автор должен предупредить, что он нисколько не претендовал ни на безусловное разрешение всех важнейших вопросов языка, ни на то, чтобы дать исчерпывающую методику работы с неграмотными и малограмотными (для этого нужны и имеются специальные книги), ни тем более на то, чтобы превратить свою книжку в учебник по грамматике и развитию речи (такие книги тоже имеются). Задачей автора (подчеркиваем еще раз) было, во-первых, ознакомить читателя с теми основными проблемами, которые имеются в современной науке о языке, и, во-вторых, вызвать у читателя сознание необходимости — в интересах успешного завершения культурной пятилетки — учиться языку. Поэтому-то данная книжка не учебник, не методическое руководство, а только б е с е д ы, только введение, подготовляющее к самостоятельной работе по другим, более обширным и специально-методическим книгам, — введение, подводящее первый камень под фундамент марксистско-ленинского понимания языка, под фундамент, на котором будут и должны строиться более широкое ознакомление читателя с поставленными в книжке вопросами и его практическая работа в ликбезе, в клубе, в избе-читальне и других политпросветучреждениях.

В заключение автор считает своим долгом выразить благодарность и признательность редактору настоящей книжки проф. Р. И. Шор за тщательный просмотр ею рукописи, за внесение ряда ценных уточнений и за постоянную в течение работы автора над книжкой консультацию.

Вл. Березин.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

ЯЗЫК—ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАДСТРОЙКА.

Языком обычно называют человеческую речь, т. е. слова, которыми пользуются люди для общения друг с другом. Мы часто слышим: «Он говорит на французском языке». «Книга написана на немецком языке». «В вузе изучают английский язык». Речь служит нам для выражения наших мыслей, чувств, желаний, т. е. всего того, что называется сознанием. В речи мы обнаруживаем свое отношение к внешнему миру, к окружающим нас людьми. Это отношение к миру, к людям, к отдельным или ко всему коллективу, выражается прежде всего непосредственно в языке, в речи, а шире и глубже—в других проявлениях сознания: в науке, в искусстве, в литературе, в театре и т. п. Но и в этих очень сложных проявлениях сознания человек пользуется языком, т. е. речью, словами (письменно или устно — безразлично). Все, что служит для проявления сознания, все, в чем оно выражается, в науке называется идеологией. Наука и искусство — идеология, религия — идеология, литература — идеология. И когда говорят о языке, то прежде всего указывают, что язык — идеология, или, точнее, идеологическая надстройка (также и наука, искусство и т. д. точнее— идеологическая надстройка). Но что это значит? Что значит надстройка?

Чтобы это понять, нужно хотя бы вкратце ознакомиться с основными мыслями Маркса, Энгельса и Ленина о строении человеческого общества. Карл Маркс говорит: «Людей можно отличать от животных по сознанию. религии, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, лишь только начинают производить необходимые для своей жизни средства — шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь».

Это значит, что сознание зависит от степени тех материальных условий, в которых находится человек. Но жизненные условия разные: с одной стороны — это одежда, жилище, с другой — это те способы, которыми человек все это добывает (способы производства, степень развития техники) и распределяет (производственные отношения).

Энгельс пишет: «Маркс открыл тот простой факт, что люди прежде всего должны есть, пить, иметь жилища и одеваться, и лишь после того могут заниматься политикой, наукой, искусством, что поэтому производство непосредственных материальных жизненных

средств, соответствующих степени экономического развития народа, составляет основы, из которых развиваются государственные учреждения, искусства и даже религиозные верования людей, и в них они находят свое объяснение». Иначе говоря, производство материальных средств является основой, базисом, для проявления общественной жизни. А материальные средства создаются определенным способом хозяйства. Хозяйство же возникает на основе коллективного труда. Характер же коллектива, общества, характер участия его членов в создании материальных средств, в создании хозяйства зависит прежде всего от состояния производительных сил. Производительные силы — это «все те материальные силы, которыми располагает человеческое общество в своей борьбе с природой». Эти производительные силы и определяют те отношения между людьми, в которые они вступают в процессе борьбы с природой за подчинение ее себе, т. е. производительные силы определяют производственные отношения. «В общественном производстве своей жизни,—пишет Маркс,—люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру (строй) общества, реальный базис (основание), на котором воздвигаются юридическая и политическая надстройки. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а их общественное бытие определяет их сознание». Эти слова Маркса значат, что характер искусства, науки, литературы, характер выражения всего этого в языке и характер самого языка как средства общения между людьми определяется через сознание политическим и социальным состоянием, в котором находится данное общество. А политическое и социальное состояние общества определяется производственными отношениями, т. е. формой хозяйства. Форма же хозяйства определяется состоянием производительных сил, т. е. состоянием тех материальных сил, которыми «располагает человеческое общество в своей борьбе с природой». Если у первобытного человека такими производительным силами были самые простые орудия — камень и палка, то теперь производительные силы — сложнейшие машины. Между этими крайними видам и формами производительных сил — ряд промежуточных форм, последовательно сменявших одна другую. Производительные силы называются базисом, т. е. основанием. А все остальное — надстройками.

Надстройки в порядке постепенности идут в такой последовательности:

1. Базис — состояние производительных сил.

2. Первая надстройка — обусловленные им производственные или экономические отношения.

3. Вторая надстройка — социально-политический строй, выросший на данной экономической основе.

4. Третья надстройка— психика общественного человека, т. е. вся совокупность его взглядов, отношения к жизни, к людям, к труду, его поведение.

5. Четвертая надстройка—это различные идеологии, т. е. искусство, наука, религия, которые отражают свойства этой психики общественного человека.

Указанная лестница — «пятичленка» — дана Плехановым.

Для правильного понимания этой «пятичленки», для верного понимания роли базиса и надстроек в развитии общественной жизни следует всегда иметь в виду, что если «политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом», то вместе с тем «все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится». Эти, взятые в кавычках, слова Энгельса разъясняют, что надстройки являются не только отображением экономики, но и орудием, которым вследствие влияния их друг на друга и на базис может перестраиваться и перестраивается как самый базис — состояние производительных сил, экономика, так и смежные надстройки. Это значит, что не только состояние производительных сил и экономика создают политику, а и политика может изменять и изменяет экономику. Это значит, что наука и техника на том или другом этапе их развития не только являются результатом изменения производительных сил, но сами они могут изменять и изменяют характер производительных сил. Это значит, что литература и искусство не только отображают, изображают жизнь, но они могут и должны изменять ее. Надстройки влияют одна на другую, базис и надстройки взаимодействуют. Это нужно помнить, потому что такие отделенные от базиса надстройки, как наука, искусство и литература, влияя на психику общественного человека, становятся орудиями построения социально-политических форм общественной жизни.

Но как и почему надстройки могут влиять одна на другую, влиять на базис и изменять их? Плеханов в своей книге «Основные вопросы марксизма» так отвечает на этот вопрос: «Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, потом начинают мешать ему. Это напоминает нам о том, что хотя данное состояние производительных сил служит причиной, вызывающей данные и в частности имущественные отношения, но раз возникли эти последние как следствие указанной причины они начинают влиять на эту причину со своей стороны. Таким образом получается взаимодействие между производительными силами и общественной экономией. А так как на экономической основе вырастает целая надстройка общественных отношений, чувств и понятий, причем эта надстройка тоже сначала способствует, а потом препятствует экономическому развитию, то между надстройкой и основой тоже возникает взаимодействие, заключающее в себе полную разгадку всех тех явлений, которые на первый взгляд кажутся противоречащими основному положению исторического материализма».

Все, что изложено здесь о базисе и надстройках, относится и к той специфической надстройке, какой является язык, т. е. язык, служащий средством общения в процессе коллективного труда, отражает в себе все те явления, которые накладывает на него каждое из звеньев этой цепи (вернее — пирамиды). Первобытный человек, у которого производительные силы — камень и палка, производственные отношения — совместный труд незначительного коллектива, этот первобытный человек характеризуется определенным отношением к природе (страх перед ней, бессилие оказывать ей противодействие, бороться с ней, преклонение перед ней, обожествление ее), этот первобытный человек и в языке своем отражает ступени данной пирамиды — бедный запас слов, удовлетворяющий несложным потребностям его труда и мышления, первоначально даже несложные трудовые крики, отсутствие связной речи и т. п. Современный человек, живущий в других условиях (экономический строй, социально-политический строй), которые определены сильным изменением и осложнением «базиса» производительных сил (машины, заводы, электричество, радио и т. п.), имеет очень осложненную развитую речь: в этой речи он может обозначать не только процессы труда и названия орудий его, но и выражать мысли о сложнейших явлениях: экономических, социально-политических и т. п. отношениях. Итак язык — идеологическая надстройка. Отсюда:

1. Язык может существовать и существует только там, где есть общество, коллектив. Без наличия коллектива, хотя бы самого ничтожного, хотя бы только из двух человек, существование языка, человеческой речи немыслимо. «Идиотизм говорить о языке там, где никто ни с кем не разговаривает» (Маркс).

2. Язык, существуя в обществе, в коллективе, зарождается и возникает тогда, когда возникает и зарождается коллектив, или общество. Коллектив же возникает тогда, когда возникает потребность у отдельных особей в коллективном труде для лучшего и более плодотворного достижения общих целей. Коллективный труд, хозяйство — вот база, на которой возникают общество и язык.

(Подробнее об условиях возникновения языка во 2-й беседе).

3. Язык, возникнув в коллективе, существуя в коллективе, служит орудием общения между членами коллектива, сопровождает рост этого коллектива, содействует его росту, отражает рост и развитие тех отношений, которые имеются в коллективе. А эти отношения главным образом — зарождение, углубление и развитие классовой борьбы.

4. Как орудие общения язык имеет громадное значение. Без языка (здесь и в дальнейшем мы будем говорить как о языке устном, так и письменном) не мог бы существовать коллектив: самые обыденные потребности каждой минуты, каждого дня требуют способов выражения желаний, чувства, мысли. И здесь главную роль играет язык. Им пользуется человек для того, чтобы сообщить другому о желании сделать то-то и то-то, выразить просьбу, помочь, указать. Языком, речью пользуется человек, строя свои планы на будущее, рассказывая о виденном и слышанном, о прошлом. Благодаря тому, что другие пользуются теми же средствами языка, он понимает, что хотят другие, узнает от них об их планах

путем разговора, беседы, согласует свои действия. Без языка невозможны были бы существование коллектива и развитие его. Без языка не мог бы развиваться и усовершенствоваться труд. Без языка общество осталось бы при первобытных орудиях добывания средств к жизни.

5. Язык, являясь одной из надстроек, как и другие надстройки, не только отображает состояние производственных сил, экономики и т. д., но оказывает влияние на другие надстройки и базис. Иначе говоря, язык, как и другие надстройки, является орудием в социально-политической жизни, орудием, которым коллектив пользуется в целях направления развития общественной жизни по тому или иному пути в целях классовой борьбы.

Поэтому далее мы постараемся показать, что язык есть отображение и орудие классовой борьбы.

Язык — отображение классовой борьбы.

Возникший в обществе на базе труда и хозяйства, развивающийся вместе с обществом, которое развивается и изменяется в связи с изменением форм труда и хозяйства, язык является отображением того общества, в котором он существует. А современное общество — прежде всего общество классов, неравномерно и несправедливо распределивших между собой и труд и использование производительных сил. Прежде всего — это, с одной стороны, трудящиеся, а с другой — эксплоатирующие чужой труд. Между этими классами происходит постоянная борьба: одни борются за право пользоваться всеми благами, создаваемыми их трудом, другие — за право эксплоатировать первых и угнетать их, чтобы пользоваться продуктами их труда. Поэтому и язык, отражая социальные, хозяйственно-экономические отношения в обществе, отражает и классовую борьбу. Поэтому в классовой борьбе он становится одним из ее важнейших орудий. Это отражение классовой борьбы в языке сказывается например в словах, которыми тот или иной из борющихся классов называет те или иные социальные явления. Очень многие слова в устах говорящего имеют содержание или носят классовую окраску. Особенно ярко отражение классовой борьбы в языке сказывается в период обострения этой борьбы. Вот несколько примеров.

В эпоху Великой французской революции (1789—1794 гг.) представителей крайних левых партий, выразителей интересов пролетариата, враги их — знатные люди, аристократы и сторонники буржуазии — называли «санкюлотами», а «санкюлот» по-французски значит «беспорточник». Презрительностью и оскорбительностью этого наименования враги пролетариата хотели унизить партию левых республиканцев. Однако это наименование было принято революционной массой и сохранилось до наших дней как наименование активного, непримиримого революционера. У нашего пролетарского поэта Безыменского мы в стихотворении «Партбилет», когда он говорит о своей тихой, робкой и заботливой матери, читаем: «И вспомнится тогда не матерь санкюлотов, несущая сама винтовку и плакат, а та, кому страшней, чем сто переворотов, что непослушный сын не выпил молока».

Наша озлобленная поражением буржуазия в 1917 г. презрительно называла революционных матросов словом «матросня», а автоомбилям, принадлежащим раньше капиталистам и буржуям, а в 1917 г. служившим революционным матросам и солдатам, брызжущие злобной слюной буржуи дали название «хамовозы». Да это и понятно в связи с общей оценкой буржуазией Февральской революции. А как ее оценивали представители буржуазно-помещичьего класса, как их классовое отношение к ней отразилось в их языке, освещает газета «Правда» от 7 марта 1917 г. № 2.

«Революционное движение пролетариата и солдат уничтожило правящую шайку Николая Кровавого»,—так говорят революционеры. А что говорит о революции Временное правительство? В радиотелеграмме, посланной всем, всем, всем, рассказывается:

«28 февраля волнение в войсках и населении приняло крайне тревожные размеры».

Радостный для народа под'ем революции таким образом оказался «тревожным» для кн. Львовых и Родзянко [1] (смеем думать, что он был «тревожным» и для министра Протопопова [2].

И далее: «В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры».

Далее говорится: «В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры».

Да, конечно, «угрожающие» для Николая Кровавого, а для восставшего народа — не опасность приняла угрожающие размеры, а революция стала приближаться к победе.

«Серьезно положение» для Милюковых [3] и Родзянко создалось под'емом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций». «Под'ем общественного настроения» и «энергичную деятельность», левых Львовы — Родзяки считают не поддержкой для себя, а серьезным осложнением. Это— язык правительства Николая Романова».

Когда в октябре 1917 г., перед восстанием, на одном из митингов в Симферополе выступавшему там Милюкову, представителю и руководителю буржуазно-помещичьей «партии народной свободы», революционные солдаты задали вопрос: «А как ваша партия смотрит на конфискацию для крестьян земель у помещиков?», этот представитель и защитник помещичьих интересов ответил: «Партия народной свободы грабежом не занимается». Вы видите, что одно и то же явление представителями разных классов названо по-разному: «конфискация» и «грабеж».

Слова: «офицерье», «золотопогонники», «белобандиты» в устах Красной армии, пролетарской, выражают классовое отношение к армии помещиков и капиталистов. Они же свою армию называли «христолюбивым воинством».

---

[1] Князь Львов — премьер-министр (премьер—председатель) первого Временного правительства; богатый помещик, землевладелец. Родзянко — председатель последней царской Государственной думы; богатый помещик, дворянин.

[2] Протопопов — последний царский министр.

[3] Милюков — профессор; руководитель буржуазной партии, был в начале Февральской революции министром иностранных дел; по требованию революционного пролетариата за нежелание прекратить империалистическую войну смещен с должности министра.

«Раздавите гадину», так заканчивался приказ Реввоенсовета РСФСР в 1919 г. солдатам Красной армии в ответ на временные успехи «христолюбивого воинства». И гадина была раздавлена.

Язык — орудие классовой борьбы.

С того момента, как человеческое общество разделилось на классы, главным образом на класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых, с того момента, как возникла борьба между этими классами, с того момента язык стал и всегда был одним из важнейших орудий в этой борьбе. Языком для этой цели пользовались обе стороны. Роль слова, роль языка в исторические моменты особого нарастания классовой борьбы была колоссальна.

Роль языка в революционной классовой борьбе в эпоху Великой французской революции.

Оглянемся несколько назад и проследим основные рубежи классовой борьбы на Западе и у нас. Мы увидим, что уменье пользоваться в классовой борьбе языком, устным и письменным, ораторское искусство, агитация и пропаганда в эти эпохи считались основным оружием в политической борьбе. И заострить это оружие, отточить его было важнейшей задачей политических борцов. О людях, подготовлявших Великую французскую революцию 1789 г., Лафарг говорит, что «постоянной их заботой было иметь в своем распоряжении точный и ясный язык, который поражал бы противника, как шпага».

И когда наступило время ожесточенной борьбы за разрушение старого порядка во Франции, то успех в этой борьбе в значительной доле обусловлен был революционной агитацией и пропагандой в письменной и устной форме.

«Пером были сброшены в грязь дворянские султаны», —так говорит, по словам Лафарга, один из современников Великой французской революции. Такую же революционную, зажигающую, двигающую к борьбе роль письменного слова в ту же революцию отмечает другой ее современник. «Пером заставили госпожу Бастилию [1] плясать гавот [2], пером низвергли троны тиранов, перевернули весь мир и двинули народ на путь к свободе». Революция 1789 г. и последующих годов характеризуется во Франции организацией громадного количества политических клубов, где представители различных политических партий выступали перед народом. В эту эпоху особенно сильно развилось во Франции ораторское искусство.

Роль слова в революционной борьбе в России до 1905 г. и в 1905 г.

Так было во Франции в ее первую Великую революцию. У нас роль слова, роль языка в подготовке и организации революционного движения была неменьшей.

---

[1] Бастилия — тюрьма в Париже, разрушенная восставшим народом в Великую революцию.

[2] Гавот—танец.

Достаточно указать, что свирепая цензура царского правительства во все времена его существования преследовала свободное слово и со всеми, кто пробовал путем письменного слова раскрыть глаза народу на существовавшее угнетение народа эксплоататорами (помещиками и капиталистами), жестоко расправлялась: приговаривала к длительному заключению в крепости, ссылала в Сибирь и т. п. Все судебные процессы над революционными деятелями партии «Народная воля» проходили при закрытых дверях, ибо царское правительство боялось, что слова обвиняемых будут сильней и убедительней, чем все измышления царских представителей «правосудия» и обвинения (прочтите речь обвиняемого Мышкина на процессе 193 и речь рабочего Петра Алексеева, произнесенную им в заседании «Особого присутствия» 10 марта 1877 г.— хрестоматия Войтоловского «Героизм революции» и хрестоматия по литературе Гинзбурга, Шапиро и др., часть II, стр. 536).

Вся революция 1905 г. прошла под знаком борьбы царского правительства с свободным словом, вскрывающим гниль и гнусность царского самодержавного строя.

Печать 1905 г. острым резцом беспощадной критики вскрывала язвы дворянско-самодержавного порядка и обман им народа лживыми обещаниями свободы. Особенное значение имели в то время сатирические журналы. Один из них поместил царский манифест 17 октября о «даровании населению незыблемых основ гражданской свободы», и на нем — кровавый отпечаток пятерни с надписью: «К сему его величества генерал-майор Трепов руку приложил».

Так же, как во Французскую революцию, большую роль играло у нас и устное слово. Агитация и пропаганда велись на митингах. Со своей стороны царское правительство стремилось всячески очернить борцов революции, называя их «смутьянами», «крамольниками», «мятежниками», «безумцами», не раскрывая сущности этих слов, не доказывая, в чем и для кого «безумие» людей, поднявших знамя восстания ига помещиков и капиталистов. Будучи бессильно в этой борьбе пользоваться силой слова, ибо слова его — пусты и бледны, царское правительство душило печать того времени, сажая редакторов и авторов в тюрьмы, арестовывая ораторов и ссылая их в гибельные места Сибири. По сведениям исследователя первой русской революции В. Обнинского, за время с 1/X 1905 г. по 1/V 1906 г. за свободное слово в журналах и газетах арестовано и выслано одних редакторов и журналистов 41 человек, не считая лиц других профессий, которые по подозрению в распространении печати также подвергнуты заключению в тюрьме.

Так боялось свободного слова царское правительство, учитывая всю силу и мощь революционного языка.

Язык — орудие классовой борьбы в Февральскую и Октябрьскую революции.

Наша вторая революция, Февральская 1917 г., тоже прошла и еще в большей мере под знаком борьбы между классами средствами языка. Буржуазия, захватив руками рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, власть, всячески пыталась удержать

эту власть и продолжать кровавую бойню, затеянную мировым капиталом. Попытки подлинно революционной партии, партии большевиков, раскрыть глаза народу на смысл и сущность мировой войны, на роль в этом побоище Временного правительства всячески пресекались и душились: митинги запрещались, газеты закрывались. Большевистская печать обливается грязной клеветой, обвинениями в том, что большевики и их газеты — агенты германского империализма. Вот что напечатано в газете «Правда», от 16 марта 1917 г., № 10:

«Мы, рабочие завода «Товарищество изготовления точных металлических изделий», собравшись 15 марта в количестве 600 человек и обсудив вопрос о провокационной травле рабочей газеты «Правда», постановили:

Что всякая травля со стороны буржуазной прессы (печати) на действительную выразительницу классовых интересов широких слоев пролетариата и защитницу крестьянства, газету «Правда», есть не что иное, как желание ввести дезорганизацию (расстройство) в среду революционного пролетариата и крестьянства, как одетых в серые солдатские шинели, так и в среду работающих на заводах, для легчайшего осуществления своих буржуазно-классовых интересов, которые находятся в противоречии с интересами как революционного пролетариата, так и крестьянства, а равно ведется для захвата власти над теми, которые своей кровью отвоевали свободу России».

Исходя из этого, собрание в самой резкой форме протестует против подобного провокационного приема буржуазной прессы с целью дезорганизации рабочих и солдат, ставит немедленно в противовес травле самое широкое распространение рабочей газеты «Правда» и делает сбор в «Железный фонд».

Приезд Ленина из-за границы был буржуазией встречен, как «ужас, надвинувшийся на страну» (конечно на страну капиталистов и помещиков), ибо буржуазия отлично понимала и верно оценивала революционную роль слова Ленина. Ведь Ленин называл вещи своими именами, ведь язык Ленина — язык настоящей пролетарской революции: четкий, прямой, решительный.

Сам Ленин придавал громадное значение слову в этот период борьбы. Вот его апрельские тезисы:

«Никакой поддержки Временному правительству, р а з ' я с н е н и е полной лживости всех его обещаний... Р а з о б л а ч е н и е вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским... Р а з ' я с н е н и е массам, что Совет рабочих депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся, особенно к практическим потребностям масс, р а з ' я с н е н и е ошибок и тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, п р о п о в е д у я в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов».

Раз'яснение и проповедь, о которых говорит здесь Ленин, осуществлялись, конечно, средствами языка. И результаты борьбы

оружием слова в первые дни выразились в четких лозунгах демонстрантов: «Долой десять министров-капиталистов!», «Войну империалистическую превратим в войну гражданскую!».

Этим четким требованиям, как и всем ораторским и печатным выступлениям Ленина, буржуазия средствами языка, средствами слова противостоять не смогла. Отсюда вначале бешеная клевета, называвшая Ленина германским шпионом, затем прямое нападение на партию большевиков оружием уже не слова, а оружием в виде штыка и нагайки.

И когда агитацией Ленина и пропагандой его идей были раскрыты рабочему классу и армии глаза на подлинную сущность керенщины и таким образом подготовлена почва для свержения буржуазии и захвата власти трудовым народом, веское слово Ленина на II с'езде советов повернуло колесо истории в сторону торжества диктатуры пролетариата. Агитация и пропаганда ленинских идей превратили партию большевиков из меньшинства в большинство; эта агитация и пропаганда оказались сильнее золота и штыков буржуазии. Ибо Ленин, называя вещи своими именами, раскрывал обман и лицемерие всех сладеньких теорий и дешевых лозунгов, которыми замазывали сущность вопросов как буржуазия, так и деятели социал-демократии.

Особенно ярко выступает роль революционного языка в классовой борьбе на примере Д. Бедного. Этот поэт известен вам всем. В период ожесточенной боевой схватки пролетариата с белогвардейцами стихи Д. Бедного были агитацией и пропагандой идей пролетарской революции. Его острое слово, образный и яркий язык направлены на классовых врагов: на Деникина, Юденича, Врангеля, помещиков и дворян; он их высмеивает, вскрывает их подлинные стремления вновь закабалить рабочих и крестьян. Д. Бедный пишет и о других врагах рабочего класса и советской власти: о попах, об эксплоатации ими темных масс, о кулаках, о волокитчиках и бюрократах и т. д.

Большую роль в гражданской войне сыграли его стихи и песни, посвященные Красной армии, бодрящие храбрых и клеймящие трусливых. Роль письменного слова в классовой борьбе хорошо иллюстрируется также историей стихотворения Д. Бедного «К обманутым братьям». Это стихотворение-воззвание обращено к солдатам белых армий. Воззвание было сброшено с аэроплана. Его читали обманутые братья потихоньку от своих командиров, белых офицеров, и затем решали целыми полками переходить на сторону пролетарской армии. За чтение стихов и басен Д. Бедного белогвардейское командование жестоко расправлялось со своими солдатами. Вместе с тем, учитывая большую популярность и неотразимое воздействие Д. Бедного, оно выпускало фальшивки за подписью нашего поэта. Эти фальшивки были полны всякими ложными сообщениями о советской власти и ее вождях. Но этот прием, как видно, не дал результатов.

Заслуги Д. Бедного, его языка и слова в эпоху гражданской войны отмечены награждением его орденом Красного знамени.

В постановлении ВЦИКа об этом говорится: «Велика заслуга тех, кто вооружил бойцов Красной армии оружием революционного сознания, кто воодушевлял их на трудные и славные подвиги.

Особенно выдающиеся и исключительные заслуги ваши как поэта великой революции оценены по достоинству рабоче-крестьянскими массами республики и особенно участниками гражданской войны. Произведения ваши, простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы».

Приказ Революционного военного совета республики от 22 апреля 1923 г. назвал Д. Бедного «метким стрелком по врагам трудящихся, доблестным кавалеристом слова».

Сотрудники газеты «Правда», поздравляя Демьяна Бедного, писали: «Он — Д. Бедный — живое доказательство тому, что слово есть несравненная сила, которая не только двигает массы, но и воспитывает их и властвует над ними властью доброй и любимой, воплощая в себе волю и мысль миллионов».

Ленин и Сталин о роли языка в классовой борьбе.

Сила языка и роль его в деле организации и укрепления советской власти, распространении и защиты ее подтверждаются, между прочим, и таким фактом, о котором говорит Ленин. «Для того чтобы раздавить советскую Россию в гражданскую войну, может быть, достаточно было бы, — говорит он, — мобилизнуть несколько корпусов той или иной капиталистической державы, которые против нас шли, и не пожалеть нескольких миллионов золота для Колчака. Однако это не помогло, потому что сознание их неправоты и правоты нашей проникло и в массы английских солдат, которые пришли в Архангельск, и в массы матросов, которые заставили английский флот уйти из Одессы». А проникло это сознание, конечно, путем агитации и пропаганды, т. е. путем слова.

Об этой же силе революционного языка говорит и Сталин. «Для того чтобы воссоединить Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы воссоединить Туркменистан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев раз'яснительной пропаганды».

Такова сила языка!

Язык как оружие в руках наших врагов.

Эту силу слова, это значение языка, конечно, учитывают и наши враги. Западные капиталисты не могут равнодушно смотреть на рост пролетарской страны. Они всеми силами стремятся помешать ее развитию и создать условия, которые привели бы Советский Союз к гибели. Напасть сразу вооруженной силой они не в состоянии — руки коротки: Красная армия сильна, да и у себя рабочий класс зорок. Его в особенности надо обработать, чтобы внушить ему необходимость войны с Советским Союзом. Тут, конечно, надо использовать и острое оружие слова. И мы видели и видим, как одно за другим пускаются ложные сведения, превращающиеся в целые кампании: то о «преследовании религии» в СССР, то о «дэмпинге», то о «принудительном труде» и т. п. и т. д., без конца. Буржуазная печать полна всяких измышлений и клеветнических выпадов против нашей страны строящегося социализма. «Матерые волки капи-

тализма, где рабство и угнетение трудящихся являются системой, где умирают с голода миллионы безработных, пытаются прикрыться баснями о принудительном труде в СССР» («Известия», 17/II 1931 г.).

Средствами языка и слова, пропагандой антисоветских идей, клеветой на победоносный пролетариат они вновь хотят затуманить зарубежным рабочим голову и втянуть их в новую мировую бойню, сорвать нашу пятилетку и тем самым отсрочить гибель капиталистического мира.

Роль и место языка на современном этапе соцстроительства в период обостренной классовой борьбы.

При таких условиях нам нужно быть особенно бдительными. Нам нужно помнить, что буржуазия в предсмертной агонии не стесняется никакими средствами, и одно из острых орудий борьбы — язык — она отравляет ядом самой гнусной клеветы.

Враг опасен не только за рубежом, но и здесь. Агенты его шипят и шушукаются за углом. Наша задача — суметь не только вооруженной рукой прекратить эти шушуканья, но и вырвать почву для них. Тут, конечно, важно активное, ударное участие в выполнении пятилетки, но неменьшее значение имеют агитация и пропаганда за ее выполнение, за «большевистское — надо!» Классовая борьба обостряется. Кулачество в деревне, агенты буржуазии и интервентов пользуются трудностями роста пролетарского социалистического хозяйства, сеют панику, распространяют ложные слухи, агитируют потихоньку о ненужности и вредности колхозов, о невыполнимости пятилетки и т. п. В борьбе с ними действительным оружием наряду с другими, является язык: вскрывать прорывы, разоблачать маловеров и нытиков, вливать бодрость и уверенность в окончательной победе, обнаруживать тайных врагов — задача каждого участника великой стройки. В этой борьбе оружие слова должно быть отточено естро и убедительно, где бы оно ни применялось: устно — в личной беседе, в выступлениях, на докладах, письменно — в печатной газете, в стенгазете.

Д. Фурманов, коммунист-писатель, участник гражданской войны, в своем замечательном произведении «Чапаев», рисующем борьбу на восточном фронте в 1919 г., говорит: «Надо уметь войну вести не только штыком, но и умным, свежим словом, здоровенной головой, знаньем, уменьем разом все понимать и другому так сказать, как надо».

Работник политпросвета, организующий массу на борьбу за пятилетку, за окончание построения в нашей стране фундамента социализма, за оборону страны, должен научить владеть этим оружием и тех, кто идет к нему учиться по-большевистски понимать мир и строить новый. А этих целей можно достигнуть только тогда, когда знаешь свое оружие.

Каждый красноармеец до мелочей изучает свою винтовку и следит за ее исправностью, каждый буденновец холит и точит свою саблю. Работник политпросвета — красноармеец на культурном фронте. Свое оружие — язык и слово — он должен холить и держать в исправности, держать готовым к бою!

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.

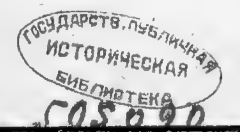
Как возникла человеческая речь? Как создался, организовался язык — это величайшее орудие социального общения и оружие социальной борьбы? Вопрос о происхождении языка очень сложен, и об'яснения его в различные времена был различны. Все, конечно, зависело от того, в чьих руках была хозяйственно-экономическая жизнь, в чьих руках — политическая власть, а вследствие того и культура и наука, и искусство, т. е. какой класс стоял во главе общества и вел за собой другие классы.

Как религия об'ясняет происхождение языка.

Так в те времени, когда религия как одно из орудий эксплоатации трудящихся господствовала во всех отраслях жизни капиталистического и докапиталистического мира, все явления природы и все явления социальной жизни об'являлись созданием бога. Язык как свойство, отличающее человека от животного, тоже, по учению господствовавшей в Европе иудейско-христианской космогонии (космогония — учение о происхождении мира), был дарован человеку в те шесть дней, когда создавался мир, и дан был этот язык в готовом виде со всем его богатством. Бог сообщил человеку названия зверей, названия небесных светил и т. п. Это, мол,—луна, это—солнце, а это—тигр и лев и т. п. Адам и Ева, по словам библии, вели переговоры с богом, с дьяволом в образе змия, на великолепном, вполне грамотном языке, построенном по всем правилам современной грамматики, притом на языке определенной народности, именно древнееврейском. А они ведь были «первыми» людьми. Нелепость этого об'яснения ясна сама по себе, как нелепо вообще учение библии о сотворении мира в готовом виде. Наука уже давно разрушила сказку о создании мира, человека и человеческого общества в несколько дней. Что касается создания языка, то изучение языка первобытных народов, стоящих на низкой ступени хозяйственно-экономического развития, показывает, что язык их беден словами, чрезвычайно прост в построении речи и иногда нуждается в сопровождении жестов, мимики и других дополнительных способов выражения. Это потому, что бедна, несложна их умственная работа, перед которой не ставит сложных запросов их общественная социальная жизнь, что в свою очередь об'ясняется бедностью хозяйственно-экономического уклада и простотой орудий производства: социальная ячейка — род, племя, хозяйство — перевобытная обработка земли палкой, мотыгой, охота на зверей посредством палки, копья, лука, стрел и т. п. И ученые отмечают: чем выше хозяйственный, чем сложнее социальный уровень человеческого общества, тем богаче и шире язык, тем развитее строй его словесной речи.

Как об'ясняет происхождение языка буржуазная наука.

В эпоху, когда буржуазия — молодой передовой класс — выступала с революционной борьбой против пережитков феодализма во всех областях идеологии, она подвергла критике и «теорию бо-

жественного происхождения языка», выдвинув вместо нее ряд теорий, старающихся об'яснить происхождение языка естественным, разумным путем. Здесь мы перечислим важнейшие из этих теорий.

Теория договора.

Одна теория происхождения языка говорит о том, что люди той или иной общественной группы условились между собой называть вещи, предметы, явления природы определенными словами. Неправильность и неверность этого об'яснения легко вскрываются простым рассуждением: чтобы условиться называть предметы и вещи словами, нужно уметь говорить, уметь об'ясняться между собой, а значит для такого договора у людей были слова, и им не нужно создавать языка. А как произошел язык, которым люди пользовались при заключении указанного договора и соглашения, опять остается необ'ясненным.

Теория подражания звукам природы.

Другая теория говорит, что речь человека возникла из подражания звукам животных, которые окружали человека в его хозяйственной жизни, т. е. крикам собаки, коровы, барана и т. п., звукам, сопровождающим различные явления природы, например: бульканью воды, журчанию ручья, грому, шороху ветра и т. п. В дальнейшем из этих подражательных звуков в течение большого числа лет (десятки тысяч) развилась человеческая речь. И эта теория ошибочна. Может быть некоторые очень немногие слова развились из звуков подражательных, большинство же слов этим подражанием не об'ясняются. К тому же блеяние баранов и мычание коров везде одинаковое, но в разных языках эти животные называются совсем по-разному (по-немецки, например, корова—«ку», по-французски—«ваш», по-английски—«кау» и т. д.).

Теория междометий.

Эта теория считает, что все слова человеческой речи выросли из тех криков и восклицаний, которые издает человек непроизвольно или при боли, или при радости, страхе и т. п., т. е. из словечек (междометий) — ой, ай, эх, ох.

Ошибка этой теории в том, что она строит развитие языка из таких словечек, которые выражают только личные чувства да к тому же воспроизводятся невольно. Для социального общения, для трудовых процессов эти слова не годились. Эти слова были в языке, но не они являются основой языка как орудия общения.

Классовый характер указанных теорий.

Все указанные об'яснения происхождения языка, все эти теории носят, безусловно, классовый характер. Все они создавались господствующими классами в классовом обществе, а потому находятся в полном единении с теми взглядами, которые прививались эксплоататорами (господствующим классом) всему обществу.

Религиозная теория внушает человеку, что все существующее создано богом и существует в таком же точно виде, как оно было создано сначала: не развивается и не изменяется. И социально-экономическое неравенство, богатство одних и бедность других,

эксплоатация классом богатых класса трудящихся — такой строй создан богом, вечен, незыблем и не подлежит изменению. В числе таких явлений, конечно, должен быть и язык. Другое об'яснение е о происхождения противоречило бы всему строю взглядов феодального или буржуазного капиталистического общества. А этого не должно быть.

Вторая теория тоже создана в недрах буржуазного общества и также носит буржуазно-классовый характер. Люди уговорились пользоваться определенным языком так же, как уговорились они вообще насчет существующего порядка. Буржуазный порядок с его системой разделения на трудящихся и эксплоататоров есть результат общественного договора. А раз люди договорились сами, значит они нашли это для себя выгодным и разговоров об изменении этого строя не может быть. Всякая классовая борьба — это борьба против «мирно» заключенного договора. Об'яснение происхождения языка должно включаться в эту систему об'яснения социальных отношений и вытекать из нее.

Третья и четвертая теории, как указано, ошибочны, потому что не принимают во внимание социальную роль языка, и они рассматривают человека вне общества, и тем самым затемняют подлинную сущность общества, тот момент, который лежит в основе организации первобытного общества, а именно—трудовой процесс.

Как об'ясняет происхождение языка марксистская наука.

Все указанные теории могли существовать и существовали до тех пор, пока к явлениям социальной жизни подходили без должного учета той основы, на которой стоит всякое общество, т. е. без учета и изучения труда, трудовых процессов, создающих в обществе определенные производственные отношения. Производственные отношения между различными группами общества обусловливаются в свою очередь состоянием производительных сил. От характера производственных отношений зависит и характер социальных явлений, в том числе и языка. При этом, на что нами обращалось внимание читателя выше, язык, как и все другие надстройки, оказывал и оказывает обратное воздействие, влияние и на экономику, и на производственные отношения, конечно, во многих случаях не непосредственно, а через другие надстройки (взаимное воздействие друг на друга базиса и надстроек). Так подходит к об'яснению общественной жизни во всех ее проявлениях марксистская наука. Не бог, не царь и не герой создают жизнь, а производительные силы, труд, организатором которых является человек. Язык, человеческая речь, будучи явлениями общественными, социальными, возникают и развиваются на базе труда и трудовых процессов. Язык возник тогда, когда появился труд, при этом: 1) коллективный, 2) организованный, 3) направленный на создание орудий производства. Каждому из читателей известно уже, как азбучная истина, что человек имеет своим предком обезьяну, или, как говорят, произошел от обезьяны. (Это не совсем точно: у первобытного человека и обезьяны был общий предок—человеко-обезьяна: обезьяна и человек — как бы двоюродные братья).

Вот в один из этапов развития человеко-обезьяны в человека и возникла необходимость создания языка. Это произошло тогда,

когда создались для такого возникновения необходимые условия: организация первичного коллектива, изменение облика, внешнего вида человека, изменение его органов, участвующих в образовании звуков. Послушаем, что об этом говорит один из основоположников марксизма, Фр. Энгельс, в своей статье «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»:

«Они (наши предки) были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши и жили стадами и на деревьях. Первым следствием обусловленного их образом жизни обычного для них способа передвижения (лазить, карабкаться), при котором руки выполняют совсем другие функции, чем ноги, было то, что эти обезьяны постепенно перестали пользоваться руками при передвижении по поверхности земли, стали усваивать прямую походку. Этим был сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку. Чтобы прямая походка могла стать у наших волосатых предков сначала правилом, а потом и необходимостью, нужно было, чтобы руки уже раньше специализировались на других функциях. Операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку на протяжении многих тысячелетий постепенно научились приспособлять свои руки, могли быть вначале только очень простыми. Но решительный шаг был сделан, рука стала свободной и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и улучшалась от поколения к поколению и дальше. Начинавшееся вместе с развитием руки и труда господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, т. е. благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим».

Таким образом Фр. Энгельс устанавливает, что: 1) наши предки жили стадами, т. е. коллективами; 2) прямая походка освободила руки для труда; 3) работа руками расширяла господство над природой; 4) развитие труда сплачивало коллектив для совместной работы; 5) этот совместный труд создал потребность что-то сказать друг другу. У Маркса читаем: «Язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми». Итак, язык, членораздельная речь, возник как необходимое следствие коллективного труда.

Вместе с тем, на основании закона о взаимном воздействии надстроек и базиса, Энгельс подчеркивает влияние языка, членораздельной речи, как продукта развития человеческого мозга на труд и развитие коллектива. В той же статье «Роль труда в процессе очеловечения обязьяны» читаем: «Сначала труд, а затем

и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог превратиться в человеческий мозг, который при всем сходстве в основной структуре превосходит первый величиной и совершенством. Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции (отвлеченному мышлению. *В. Б.*) и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов и в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже прерываемый попятным движением, в общем и целом могуче шествовал вперед, сильно подгоняемый, с одной стороны, а с другой— толкаемый в более определенном направлении новым элементом, возникшим с появлением готового человека,—обществом».

Однако это объяснение не будет достаточно полным, если мы не примем во внимание дополнения нашего советского ученого академика Марра, что з в у к о в а я речь не является первоначальной. Марр раз'ясняет, что общение членов коллектива первобытного общества в процессе совместного труда не происходило путем одних только слов и звуков. По его объяснению речи звуковой предшествовала речь с помощью жестов — движения различных частей тела, в особенности руки в том или ином направлении; движением рук первобытные люди объяснялись между собой, описывали процессы своего хозяйственного труда (охоты на зверя, работы булыжником и т. п.), рука имела громадное значение в процессе труда, поэтому она использовывалась и в процессе общения.

И только впоследствии через целый ряд этапов, исчисляемых десятками тысяч лет, ручная «линейная» речь уступила господству звуковой, когда звуковая речь, развившись, могла обслуживать коллектив богаче и полнее увеличившимся запасом звуков и слов, связанных с представлением об определенных вещах и явлениях.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ.

МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ.

Религиозное объяснение происхождения языка созданием бога никак не вяжется с тем обстоятельством, что бог, по библии, создал один язык для первых людей, а мы сейчас наблюдаем (да всегда людям это было известно) тысячи языков: в одной Европе— французский, немецкий, еврейский, английский, польский, чешский, турецкий, татарский, венгерский и т. д.; в Азии — китайский, японский, бенгальский, туркменский и т. д., без конца. В нашем СССР свыше 20 языков, а во всем мире свыше 2 тыс.

Как об'ясняет многообразие языков религия.

Как же вышло из этого положения поповское учение? Да очень просто — опять путем сказки и очень нелепой. Люди-де возгордились и решили построить в г. Вавилоне башню до неба. Бог на них рассердился и, чтобы помешать осуществлению этой дерз-

кой затеи, лишил их способности понимать друг друга — «смешал языки». Трудно работать при таких обстоятельствах, когда один говорит на одном языке, а другой — на другом, третий — на третьем и т. д. До переводчиков тогда не додумались, и пришлось людям раз'ехаться по разным странам, не выполнив производственного задания. Вот от этих разъехавшихся неудачников и пошло различие языков. Так учит библия; одна из забавных сказок ее, которыми дурманили людей в течение столетий. Но при первом соприкосновении мало-мальски критической мысли она должна рассеяться. А чем же об'ясняется наличие различных языков в Америке, которая открыты через 6 тыс. лет (по библейскому календарю!) после сказочного вавилонского столпотворения? Или то же — в Австралии? Об этих странах в библии не упоминается. Транспорта океанского тогда не было. (Ноев ковчег не в счет, — он далеко не уплыл. Гора Арарат только в Малой Азии.). Очевидно люди, жившие в Америке и в Австралии, ничего общего с обитателями Вавилона не имеют, и язык их возник независимо от божественной помощи и вмешательства.

Подобные же сказки о причинах многообразия языков существовали и существуют и у других народов.

У древних греков была легенда, которая объясняла многообразие языков тем, что один из богов (по имени Гермес) захотел вызвать раздоры среди людей, мирно живших под покровительством главного бога (Зевса). «Согласно сказаниям индейцев Гватемалы единство языка было утрачено племенами, когда они дошли до кочевья Тулан. По легендам калифорнийских индейцев, после внезапной утраты единого языка индейские племена были обучены боговдохновенным мудрецом, по имени Куксу, охоте, стряпне, законам, пляскам и празднествам и затем разосланы в разные страны. Легенды ассамских племен объясняют утрату единого языка оскорблением племенного тотема, нападением на гигантскую змею, похитившую дочь вождя, или на крысу (тотем — священный предмет или животное — покровитель племени). По преданиям австралийцев, единство языка было утрачено народами, собравшимися на пир по случаю смерти злой ведьмы Вуррури и отведавшими ее тело»

Как об'ясняет многообразие языков буржуазная наука.

Неудовлетворительно объяснение и буржуазной науки. Эта наука пытается разбить языки на группы «родственных» и вывести каждую группу языков из одного предка-праязыка (ср. прадед, прабабка), существовавшего в далекие времена. Так об'ясняют например, что языки Европы (кроме венгерского, турецкого, финского и некоторых других) и Индии произошли от одного предка — «индоевройпейского праязыка». Обладателем, носителем этого языка был народ, живший не то в Азии, не то в какой-либо части Европы. В силу целого ряда исторических событий потомки этого народа рассеялись по Европе и другим странам, образовали новые расовые и национальные группы. Языки этих групп, будучи различны, обнаруживают некоторыми своими сторонами сходство, что и дало повод искать у них общего предка, как говорит буржуазная наука — сравнительное языковедение (индоевропеистика, как ее называют).

Ошибочность этой теории в том, что она: 1) в конце концов может объяснить различие и сходство одной только группы языков (индоевропейской); 2) совершенно не учитывает языков, которые значительно древнее этого предполагаемого праязыка и которые существуют теперь; 3) имеет дело только с языками так называемых «культурных», т. е. экономически и политически сильных капиталистических государств, распространивших свою власть на многочисленные колониальные народы; 4) имеет дело только с письменными языками, не привлекая к изучению большое количество бесписьменных языков.

Отсюда у представителей этой теории вытекают очень важные ошибки: объяснение многообразия языков начинается, так сказать, со второго этажа без изучения фундамента. Этим фундаментом являются языки более древние, чем те, которыми занимаются буржуазные ученые, языки народов, в большинстве своем не имеющих письменности.

Буржуазная теория — односторонняя и классовая. Буржуазные языковеды изучают языки только сильных империалистических наций современности (английский, французский, германский и т. п.) и их предков в прошлом (латинский — язык сильного древнего государства Рима). Буржуазная наука считает эти нации, а, следовательно, их языки, проявлением «подлинной культуры». Бесписьменные языки нацменьшинств, угнетенных и вследствие этого культурно отсталых, ими не принимаются в расчет: они обрекаются на вытеснение языками «культурных» наций. Так научно обосновываются все формы угнетения колониальных народов: лишение их права писать, учиться, печатать на своем родном языке, насильственная ассимиляция и т. п. А на самом деле эти языки бесписьменных нацменьшинств — древнее так называемых «культурных языков», и изучение их на основе марксистского подхода к общественным явлениям, вскрывает причины и сущность многообразия языков.

В чем состоит различие языков.

Чем же языки отличаются друг от друга? Прежде всего конечно звуковым составом слов, означающих одинаковые предметы, явления природы, социальной жизни и т. п. Если в русском языке имеется сочетание (комплекс) звуков, например, слово «человек», связанное у нас с определенным представлением живого существа, то в других языках для обозначения того же существа имеются иные сочетания (комплексы) звуков, т. е. иные слова: в немецком — «менш», во французском — «иом», в древнееврейском — «иш», в арабском — «инсанун», в турецком — «адам», в грузинском — «каци». Это различие между языками в словах называется лексическим различием. Правда, есть в языках слова схожие, обозначающие одинаковые явления и предметы — «революция», «пролетариат», «машина», «коммуна», «дискуссия» и др.; но о причинах их сходства и общности будем беседовать ниже.

Важное различие между языками еще в том, что в одном языке есть такие звуки, которых нет в другом, например русских звуков «ч» и «ц» нет во французском языке; русского звука «ж» нет в немецком языке. С другой стороны, в английском есть звук, кото-

рого нет у нас. Это звук, немного похожий на «т» и «с», если мы при произношении «т» или «с» прижмем язык к краю верхних зубов или поставим его между зубами. В кавказских языках тоже есть звуки, которых нет в западноевропейских и русском языках. Это особые звуки, которые в науке называются смычно-гортанными. Такое различие языков называется фонетическим различием (фонетический—значит звуковой).

Далее имеется еще различие — различие в способе образования фразы из слов, а также в способе изменения слов. В одних языках при образовании речи, фразы слово изменяется по сравнению с тем, как оно звучит в другой фразе. Например русское: «лошадь сильна», «у нас нет лошади», «это моя лошадь», «у моей лошади» и дальше — «лошадей», «моих лошадей», «на моей лошади», «на моих лошадях». Мы видим, что слово «лошадь» в различных сочетаниях изменяет свой вид и звучание, это слово изменяет свои окончания. Поэтому в русском языке порядок слов в фразе не имеет значения для смысла ее: как бы мы ни располагали слова, смысл фразы не изменяется; так, например, в русском языке: 1) отец любит сына», 2) «сына любит отец», 3) «любит отец сына», 4) «сына отец любит». Но есть языки, в которых слово никогда не изменяется. Например во французском языке нет падежных окончаний у существительных, и отношения между ними выражаются порядком слов. Так во французском языке приведенная выше фраза может иметь только один определенный порядок слов: „Le père aime le fils“ (ле пэр эм ле фис)» «отец любит сына». Если же мы переставим слова: „Le fils aime le père“ (ле фис эм ле пэр), то уже смысл другой — «сын любит отца». Это, конечно, об'ясняется тем, что у нас слова «отец и «сын» изменяются (по падежам) и что изменение в даном примере показывает, кто кого любит. Во французском языке такого изменения нет, а потому смысл фразы выражается порядком слов. Языки, в которых порядок слов не имеет особого значения и смысл фразы выражается изменением отдельных слов, называются синтетическими языками; к ним относятся: русский, украинский, немецкий, турецкий и др.; языки же, в которых смысл фразы определяется порядком слов, называются аналитическими языками; к ним относятся: китайский язык, отчасти английский и французский язык. Этим различие не ограничивается. В русском языке часто одно окончание имеет несколько значений, а для выражения одного значения применяется несколько окончаний.

Стол — столы: 1) множ. число, 2) им. пад., 3) м. род.

Чтобы образовать другой падеж или тот же падеж другого числа, или тот же падеж того же числа другого рода, мы меняем окончание **ы** на другое окончание:

стол-**ы**, — стол-**ов**, стол-**у**, стол-**а**.

С другой стороны ряд окончаний служит для передачи того же значения:

Стол-**ы**, брать-**я**, профессор-**а**. Все эти окончания—ы, я, а—показывают—именит. пад., множ. числа, муж. рода.

Нельзя не признать, что наш язык действует здесь не слишком последовательно и не слишком экономно.

Есть языки другого типа, например тюркский, турецкий и др.. Если мы сравним наше слово «лошадь» с турецким — «ат»

(тоже «лошадь»), то для того, чтобы сказать «лошади» (род. пад.), к слову «ат» прибавляется частичка «ын» (после гласных), и получается «атын». Эта частичка «ын» всегда будет присоединяться к любому слову, когда хотят ответить на вопросы «кого», «чего». Для обозначения множественного числа к любому слову прибавляется частичка «лар»; так «ат»—«лошадь», «атлар»—«лошади» (множ. число), «атларын» — «лошадей». Обратите внимание, что каждый раз присоединяется к слову одна частичка для одного значения.

Или: в турецком языке для ответа на вопрос «где», к слову прибавляется частичка «да». И «атда» — значит «на лошади», «атларда» — «на лошадях». По-турецки «голова» — «баш»; попробуйте образовать слова: «головы» (род. пад.), «головы»—(им. п.), «голов» (род. пад.), «на голове», «на головах».

Таким образом между русским языком и турецким в образовании слов для фразы разница в том, что в русском языке слова изменяют свое окончание целиком («лошадь», «лошади», «лошадей»), а в турецком окончание может состоять из нескольких частичек, из которых каждая имеет свое определенное значение. Отличается язык турецкий от языка русского и в другом, чтобы образовать одно слово от другого по-турецки, надо присоединить частицу, например «сай» — «счет», «сай-мак» — «считать». По-русски же мы иногда можем образовать одно слово от другого, изменяя звуки основы: «считать» — «счет». Этот способ образования называется ф л е к с и е й основ, а языки, его применяющие, — ф л е к т и в н ы м и.

Второй группе, к которой относятся языки: турецкий, финский и многие языки народов советского Востока, буржуазная лингвистика дала название «агглютинативные» языки, что буквально и значит «склеивающие».

Кроме этих двух групп — флективных и агглютинативных языков—есть еще группа языков, у которых отдельные слова никак не изменяются, а отношения между ними выражаются особыми вспомогательными словами или порядком слов. Таким языком является например китайский язык. Если мы имеем в русском языке (и в других) несколько слов, связанных с понятием большого размера, — «величина», «великий», «увеличивать», «очень», то в китайском языке вместо всех этих слов употребляется одно «та». И в одной фразе это слово может обозначать «величина», в другой — «большой», в третьей — «очень». Смысл слова «та» в китайском языке становится понятным лишь в целой фразе. Такие языки (китайский и некоторые языки Индо-Китая) буржуазная лигвистика назвала а м о р ф н ы м и (аморфный — бесформенный).

Итак, по строению слов во фразе, в речи языки земного шара разделяются на три основных группы: 1) аморфные, 2) агглютинативные и 3) флективные. Наиболее сложными по своему строению являются флективные языки, наиболее простыми и экономными — аморфные.

Как об'ясняет различие языков буржуазная наука.

Чем же об'ясняется это различие? Почему одни языки флективные, другие аморфные, третьи агглютинативные? Тут мы опять сталкиваемся с важными для нас явлениями классовости в науке.

Буржуазная наука считает, что основная причина различия языков лежит в расовом различии. Европейцы-де, как раса более культурная, утверждают буржуазные ученые, обладают и более культурным развитым языком, т. е. флективным, способным выражать мысли более богато, широко и ясно. Колонизируемые же народы, принадлежащие будто бы к более низким расам, не способные к прогрессу, к развитию своих «духовных» способностей, стояли, стоят и будут стоять вообще на низкой ступени культуры и способны только пользоваться языком бедным, аморфным. Состояние такой аморфности языка, говорят буржуазные ученые, свидетельствует вообще о бедности умственных способностей, об ограниченности в духовном отношении рас, пользующихся аморфным языком. Промежуточное положение составляют языки агглютинативные.

Классовая сущность этого об'яснения.

Такой взгляд и вся эта теория находятся в полном согласии со всей колонизационной политикой капитализма. Раз эти народы, принадлежащие к «низшим» расам, некультурны, неспособны к прогрессу, о чем, между прочим, будто бы свидетельствует состояние их языка, то, следовательно, в процессе мировой «культуры» не им занимать первое место. Это место принадлежит «высокоодаренным» нациям и расам. А посмотрим, кто к ним себя причисляет, и вспомним, какова «культурная» цивилизаторская роль этих наций и рас. Это — европейцы: Англия, Франция, Германия, Испания, Италия, бывшая царская Россия и другие, буржуазия которых в поисках рынков сбыта своего товара и в поисках дешевой рабочей силы столетиями и тысячелетиями угнетала и грабила расы, стоящие на более низкой ступени «культуры». Империалистический захват колоний в Индо-Китае, в Африке, хозяйничание в Китае — все это должно быть оправдано всей системой буржуазной науки, в том числе и наукой об языке. Не «культурные» цели, а грабительские преследовал и преследует «цивилизованный» капиталистический мир, ставя себя и систему своего языка на высшую ступень лестницы «прогресса».

Как об'ясняет различие языков подлинная марксистская наука.

Марксистская наука вскрывает классовую сущность такого взгляда буржуазных ученых на различие языков. Подходя к вопросу о многообразии языков, марксистское языкознание об'ясняет это многообразие и различие языков так же, как и происхождение языка.

Различие языков, различие строя слов и строя речи об'ясняется в конечном счете различием состояния производственных отношений. Дальнейшее развитие общества, социальных отношений, основанное на развитии производственных отношений, влечет за собой развитие и обогащение языка, изменение строя слов и строя речи. Ни один строй языка не является кровным, прирожденным достоянием нации. Иначе говоря, языки отличаются друг от друга не потому, что люди, говорящие на них, принадлежат к разным расам (к высшим и низшим, способным и неспособным), а потому,

что языки эти складывались и развивались при различных хозяйственно-производственных, социальных и политических отношениях. В одном обществе это развитие шло быстрее, в другом—медленнее. Такая нация, как англичане, пользовалась некогда языком флективного строя (англосаксонским), а в настоящее время пользуется языком почти аморфным (современным английским).

И не один язык был у человечества на заре его жизни, а столько языков, сколько было производственно-хозяйственных ячеек, коллективов.

Но чем же об'ясняется сходство, наблюдаемое в лексическом составе некоторых языков, как, например, название членов семьи: русское — «мать», «матери», латинское — «матэр». немецкое—«муттэр»? Такое сходство можно наблюдать в целом ряде слов.

Сходство это, об'яснявшееся раньше буржуазной наукой родством крови, происхождением народов от одного общего народа-предка, на самом деле есть результат об'единения в хозяйственном и общественной жизни отдельных коллективов. В процессе развития на определенном этапе хозяйственно-экономических отношений коллективы сливались в большие об'единения, скрещивались, переплетались. Из мелких об'единений создавались общественные об'единения с определенным характером для данного этапа типа хозяйства и определенным пониманием мира. Это общественное, хозяйственно-экономическое об'единение занимало определенную территорию; группы, входящие в состав этого об'единения, начинали говорить на языках, сближавшихся по звуковому составу слов, по строю речи.

Группа языков такого об'единения называется «системой», или, по-старому, «семьей».

Различие языков как орудие в руках буржуазии для пропаганды идеи национального раз'единения.

Различие языков, созданное различием хозяйственно-экономических и производственных условий общества, имеет громадное значение в жизни трудящихся масс. В руках буржуазии оно является орудием национального разъединения. Пользуясь тем, что люди говорят на разных языках, господствующие классы стремятся внушить трудящимся убеждение в том, что и строй жизни, и интересы, и кровное происхождение этих людей различны. Буржуазия утверждает, что у каждой нации свой «национальный дух», «духовная жизнь» и свой общественный порядок, так же как и свой язык. Это убеждение буржуазия старается привить населению и культивирует его в школах, в учебниках и в ученых сочинениях. Этим она замазывает основной вопрос, что различие между людьми в современном обществе только одно: одни трудятся, другие эксплоатируют их труд. Обработка в этом направлении идет с детства, со школьной скамьи. Примером этого может служить последняя империалистическая война, когда русским трудящимся внушали, что немецкие трудящиеся—враги, поскольку-де они совсем нам чужды и своими интересами, и языком, и культурой. Немецким трудящимся внушали то же самое по отношению к русским, и в том и другом лагере разжигалась ненависть к другой нации.

Являясь выгодным для буржуазии, различие языков мешает об'единению трудящихся в борьбе за свое освобождение, мешает им видеть часто настоящего своего врага, врага классового. Не имея общего языка, трудящиеся пролетарии в моменты близкого столкновения в борьбе за чуждые им интересы гибнут напрасно.

И здесь важно помнить слова Ленина об единстве интересов пролетариата разных наций и об единстве эксплоататорских интересов буржуазии разных наций, с одной стороны, и с другой — о враждебной противоположности интересов пролетариата и буржуазии одной нации.

Он еще в 1913 г. писал: «Есть две нации в каждой современной нации—скажем мы всем национал-социалистам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д. Если большинство украинских рабочих находятся под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями поповской буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода «культурой», украинский марксист всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: «Всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы и украинского и великорусского рабочего движения».

Необходимость для трудящихся знать иностранные языки.

В настоящий период ожесточенных классовых боев, когда буржуазия разных стран стремится одурманить националистическим шовинизмом пролетариат, в настоящее время громадное значение для трудящихся имеет знание иностранных языков. Необходимость этого вызывается тем, что наша страна, очаг мировой революции, является авангардом в борьбе трудящихся всех стран за свержение капитализма во всем мире. Буржуазия, а еще раньше дворянский класс держали в своих руках культуру, закрывали доступ к овладению трудящимися иностранными языками. Правда, сами представители дворянства и буржуазии великолепно владели иностранными языками. Но нам знание языков нужно не для тех целей, с какими учились французскому языку дворяне и буржуа. Про своего героя — Евгения Онегина — Пушкин в знаменитом романе говорит, что он «по-французски совершенно мог из'ясняться и писал, легко мазурку танцовал и кланялся непринужденно»; французский язык, мазурка — все это для хорошего тона. Л. Толстой в своем романе «Война и мир» изображает дворянско-помещичий круг, где все говорят главным образом по-французски (целые страницы романа написаны на этом языке). Но пользовались этим языком толстовские герои для дипломатических разговоров, для международного общения с представителями своего класса—такими же трутнями общественного строя. Для буржуа же знание языков—

борьба с конкурентами, конкуренция в области техники, науки; для овладения мировым рынком.

Трудящимся знание языков, особенно английского и немецкого, нужно не для праздной болтовни, не для мирового грабежа, а для тесного сближения с революционным пролетариатом Запада. Это — во-первых; во-вторых — для усвоения англо-американской и германской техники: ведь большинство технических научных трудов создано в этих передовых по технике странах капитализма. А нам нужно не только догнать, но и перегнать капиталистические страны. Трудящиеся, рабочая молодежь, строящая социализм, развивающая индустрию страны, не может обойтись и не должна обходиться без знакомства с новейшими достижениями науки на Западе; и задачи революции, задачи строительства соцализма требуют от участников великой стройки знания иностранных языков.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ.

„ЖИЗНЬ" ЯЗЫКА.

В предыдущих беседах мы говорили о том, что язык—«идеологическая надстройка», отображение и орудие классовой борьбы. Указывали на то, что, возникнув как необходимая составная часть коллективного трудового процесса, он из одного вида развивается в другой: переход, развитие, общества от одной формы хозяйства в другую, более совершенную, от одной формы общественных и политических отношений в другую, более сложную, сопровождались изменением характера языка, связанным с изменением сознания. Не надо только упрощенно решать вопрос и думать, что мы можем непосредственно переходить от формы языка к формам соответствующего хозяйства (скажем, что аморфный строй соответствует охотничьему хозяйству, агглютинативный — скотоводческому, а флективный — земледельческому, как это предполагал в 60-х годах прошлого века популярный лингвист М. Мюллер). Как говорит Энгельс, «экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, филосфские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм». Это тем более применимо к языку, что язык есть не просто идеологическая надстройка, но он входит как необходимая предпосылка во все другие идеологии, он, говоря словами Маркса, есть «практическое сознание».

Таким образом язык не является чем-то неподвижным, законченным; он развивается, он изменяется, как изменяется само общество. Этот процесс изменчивости, развития протекает как в целых системах, так и в отдельных языках.

«Подобно живому организму язык рождается, растет и умирает,—пишет Лафарг в своей книге «Язык и революция».—В про-

должение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, усваивает и отбрасывает слова, речевые комплексы и грамматические формы. Слова каждого языка, так же как клетки растения или животного, живут своей особой жизнью: их фонетика (звуковой состав) и орфографя (правописание) меняются беспрестанно».

Далее Лафарг указывает на связь жизни языка с жизнью общества: «Если язык развивается, беспрерывно видоизменяясь, то происходит это потому, что он является самым непосредственным и характерным продуктом общества. Дикие, варварские племена, которые, разделившись, ведут изолированный образ жизни, перестают через некоторое время понимать друг друга: настолько изменяются их диалекты. Язык отражает каждое изменение, происходящее в человеческом существе и в среде, где оно развивается. Изменения в образе жизни человеского общества, как например переход от сельского образа жизни к городскому, так же как и политические события, оставляют отпечатки на языке. Народы, у которых политические и социальные события проходят интенсивно, быстро изменяют и свой язык, между тем как у народов, не имеющих истории, развитие языка останавливается».

Как изменялся русский язык в течение столетий.

Если мы сравним русский язык X—XI веков с современным языком, то мы увидим, что кое-что нам понятно в старорусском языке, а многое совсем чуждо.

Например вот отрывок из замечательного произведения XI века «Слово о полку Игореве» и современный русский перевод его — «Рассказ о походе Игоря».

Древнерусский текст.

А Светъсловъ мутенъ сънъ видѣ: «В Кыевѣ на горахъ си ночь съвечера одѣвасте мя, рече, чьрною наполомою на кровати тисове; черпахуть ми синее вино с трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы великый женьчюг на лоно и неують мя».

(В этом тексте мы встречаем ряд букв, которые в настоящее время у нас не употребляются или употребляются в другом значении, чем раньше. Так Ъ как буква, ничего в современном языке не обозначавшая, упразднена в 1917 г., она сохранена лишь в качестве отделительного знака; буква **Ѣ** тоже упразднена; буква же **Ь** у нас, в нашем современном письме, в большинство случаев употребляется для обозначения мягкости предшествующего согласного звука или в качестве разделительного знака. В древнерусском письме эти буквы обозначали звуки: **Ъ** обозначал очень короткий звук, средний между **О** и **Ы**; **Ь**—очень короткий звук, средний между **Е** и **И**, **Ѣ**—особый звук, близкий к **Е**, но все же от него отличный.)

Перевод на современный русский язык.

А Святослав видел тревожный сон. «В Киеве,—говорит,— этой ночью одевали меня с самого вечера черным покрывалом на тисовой кровати, черпали мне синее вино, смешанное с печалью, сыпали мне на грудь крупный жемчуг из пустых колчанов и нежили меня».

Мы видим, что в древнерусском тексте целый ряд слов нам уже непонятен, например «наполомою», «тулы», «неуютъ». Они заменены другими: «покрывалом», «колчанов», «нежили». Другие же слова изменили свое значение, так «с трудом» мы переводим «с печалью» («труд» в старом языке «печаль», у нас — уже другое значение). «Лоно» — в старом значении «грудь»; у нас в этом смысле оно не употребляется, а встречается только в сочетании «лоно природы». В словах же «одевасте», «черпахуть», «сыпахуть» вы замечаете окончания, которые теперь совсем не употребляются. (Здесь, однако, надо иметь в виду, что язык приведенного отрывка является языком определенной классовой прослойки того времени — князей, дружинников, высшего духовенства, и он, язык, по своему происхождению в значительной своей части был заимствованным, а не чисто русским: на нем — и в звуковом составе слов и в окончаниях — сказалось влияние языков тех народов, с которыми были в торговых, политических сношениях представители указанного класса. Об этом подробно ниже, в беседе о классовом составе современного русского литературного языка.)

Таким образом на этом примере мы видим, как за 900 лет изменился русский литературный язык. Такие же изменения, но может быть менее заметные, мы можем обнаружить, сравнивая наш язык с языком XVIII и начала XIX веков. Многие слова и выражения из произведений Грибоедова и Пушкина нам могут быть непонятны, по крайней мере — они мало употребительны.

У Грибоедова: «Раскланяйся — т у п е е м не кивнут».

«Тупей» — взбитый хохол на голове, прическа придворных дворян в XVIII веке.

Эти слова мы теперь не употребляем.

С другой стороны, во времена X—XI веков не существовало таких слов, какие мы употребляем: «армия», «флот», «фабрика», а во времена Пушкина не было слов «аэроплан», «радио», «коллективизация», «ударничество» и др. Чем это об'ясняется? Лафарг говорит, что «язык не может быть отделен от своей социальной среды, так же как и растение не может быть оторвано от свойственной ему среды, климата». А социальная среда постоянно изменяется, изменяются формы хозяйства, изменяются экономические отношения в этой среде. Если крепостной быт создавал такие слова, как «девичья», «дворовой», «кофишенок», «казачок», «застольная», то с упразднением крепостного права эти слова тоже упразднились, исчезли («девичья» — комната для крестьянских девушек, живших у помещика и работавших в помещичьем доме; «дворовой» — крестьянин, находившийся непосредственно при доме помещика, «застольная» — комната, где обедают вместе дворовые люди; «кофишенок» — дворовый, слуга, ведующий приготовлением кофе; «казачок» — дворовый мальчик для мелких услуг, например для подаванья барину носового платка и трубки).

Самодержавно-полицейский строй, опиравшийся на своих помощников в деле угнетения, на чиновников, имел свой запас слов: «урядник», «становой, «подати», «кутузка», «рекрут», «городовой», «околоточный».

Маркс писал: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющий-

ся господствующей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой». А мысли выражаются словами, средствами языка. Поэтому будет понятно, почему язык образованного дворянина отличается от языка Островского, живущего в эпоху нарастания промышленного капитала, или язык крупного помещика Л. Толстого в его «Войне и мире» — от языка произведений Горького. Сравните любое стихотворение Пушкина с языком Жарова или Безыменского или несколько страниц романа «Война и мир» с произведениями Ляшко («Доменная печь» или «Рассказ о кандалах»).

Отражение классовой борьбы в языке и за язык.

Мы уже приводили слова К. Маркса, об'ясняющие нам характер языка характером господствующего класса. Но ведь все мы знаем, что в классовом обществе идет непрерывная борьба классов, то затихающая, то обостряющаяся. Эта борьба не может не отразиться на языке. В первой беседе мы кратко коснулись этого вопроса. Каждый класс из тех, которые ведут борьбу, стремится пользоваться тем языком, который выработан им и который выражает ярче, полнозвучней содержание его мысли и стремлений. Каждый класс стремится охранять «чистоту» своего языка, считая его образцовым и правильным. Представители господствующего класса клеймят всякое внедрение в свой язык слов и выражений, чуждых ему, но типичных для речи другого класса. Лафарг в указанной книге «Язык и революция» описывает эту языковую борьбу во время Французской революции. Когда был издан в 1801 г. словарь новых слов, широко распространившихся во французском языке, то многие сторонники «чистоты» французского языка, и конечно представители аристократии, писали, что этот словарь наполнен словами «из жаргона игорных притонов, воровских кабаков и вертепов, выражениями скотниц и маркитанток, не имеющих ничего общего с французской благовоспитанностью, такими выражениями, которые можно услышать лишь в передней из уст прислуги, крепкими словцами, приличествующими портнихе или парикмахеру, жаргоном зеленщика, речью горничных и прачек, фразами, терпимыми только в устах чернорабочего, свинопаса, цирюльника и т. д.».

Мы видим, что здесь указано вытеснение языка аристократии языком революционной буржуазии и трудящихся, которые вышли на арену общественной деятельности. Великая французская революция, потрясшая все основы аристократического дворянско-помещичьего строя, оказалась сильнее всех преград, которые ставили ей французские дворяне, спасавшие свое положение. И «язык был так же переплавлен в огне революции, как государство, общество, собственность и нравы». «Революция сделала свое дело в области языка; блестящий стальной обруч, сковывавший его, был разбит, и язык отвоевал себе свободу». Мало того, «новые слова и выражения, наводнившие язык, были так многочисленны, что для того чтобы сделать газеты и брошюры того времени понятными для придворных Людовика XIV, их пришлось бы переводить». «И в конце-концов в XVIII веке,—пишет Лафарг,—язык видоизменяет-

ся: он теряет свой аристократический лоск и приобретает демократические замашки буржуазии. Многие писатели, не взирая на гнев Академии [1], стали свободно заимствовать слова и вражения из языка лавочников и улицы».

Приведем несколько слов, созданных в эпоху французской революции, казавшихся тогда новыми, для аристократа—резкими. Эти слова и выражения были созданы в процессе классовой борьбы революционной буржуазией, потому что ей нужны были новые слова для новых форм политической жизни. Эти слова оказались настолько выразительными, что сохранились до нашего времени и употребляются поныне: «централизовать», «реорганизация», «агитатор», «депутат», «пропаганда», «бюрократ», «организатор», «дезорганизация», «террорист» и т. д. и т. п.

Против появления и распространения таких новых слов и против слов «лавочников» аристократия протестовала, считая их уродливыми явлениями, потому что справедливо видела в них орудие разрушения того строя, на котором держались аристократы, ибо язык этот отражал сознание нового, боровшегося за полноту своей власти класса.

Классовая борьба в языке и за язык у нас.

Такую же картину борьбы в языке и за язык наблюдаем мы в нашем, русском, языке. Перестройка феодально-помещичьей крепостной России в буржуазную (правда весьма отсталую) монархию вызывает ряд заметных новшеств в языке. Так, богатый помещик Л. Толстой в 40-х годах XIX века с пренебрежением говорит в своей повести «Юность» о новшествах и «ненормальностях», которые внесены были в то время в русский язык представителями нарождающейся группы мелкобуружуазной интеллигенции «разночинцев» (разночинцы—дети служащих, лекарей, учителей, чиновников, низшего духовенства).

«Чувство презрения возбуждали во мне их ноги, и грязные руки, и розовые рубашки, и нагрудники. . . и, в особенности, их манера говорить, употреблять и интонировать некоторые слова. Например они употребляли слова «глупец» вместо «дурак», «словно» вместо «точно», «великолепно» вместо «прекрасно», движучи» и т. п., что мне казалось книжно и отвратительно непорядочно. Но еще иностранные слова: они говорили «ма́шина» вместо «машина», «де́ятельность» вместо «де́ятельность», «на́рочно» вместо «наро́чно», «в ка́мине» вместо «в камине», «Ше́кспир» вместо «Шекспир» и т. д. и т. д.».

Подобное же неудовольствие по поводу странностей в русском языке на 30 лет позже, в эпоху роста молодой русской буржуазии, мы слышим, по свидетельству писателя Гончарова, от представителей вытесняемого класса. Гончаров в своем очерке «Литературный вечер» так передает возмущение одного из ревнителей «чистого» русского языка появлением в нем, в русском языке, новых слов и выражений:

---

[1] Ученое учреждение в аристократической королевской Франции XVII века, следившее, между прочим, и за «чистотой» языка.

«Возьмешь книгу или газету — и не знаешь, русскую или иностранную грамоту читаешь! «Объективный», «субъективный», «эксплоатация», «инспирация», «конкуренция», «интеллигенция» так и погоняют одно другое. Вместо «швейцара» пишут тебе «портье», вместо «хозяйка» или «покровительница» — «патронесса». Еще выдумали слово «игнорировать»!

Да и по-русски-то стали писать, боже упаси, как! Например выдумали «немыслимо», а чем было худо слово «невообразимо»? Нет, оно, видите, старое, так прочь его! Или все говорили и писали «такой-то; или такие-то обращаются к тому, другому или друг с другом так-то»; не понравилось им, давай менять: «такой-то относится-де так-то». Лучше ли это, я вас спрашиваю?»

Но переход от строя феодально-помещичьего к буржуазному незначителен по сравнению с переломом, переживаемым русским языком в наше время. Пролетарская революция у нас спалила в своем огне весь старый, капиталистический, самодержавный строй. Новый победоносный класс подверг старое наследие — литературный язык—существенной перестройке. Все слова, выражавшие старое, гнилое, связанное с угнетением и эксплоатацией, исчезли из употребления или приняли ненавистный, оскорбительный оттенок. Исчезли: «городовой», «земство», «гласный», «урядник», «губернатор», «гимназия», «земский начальник», «епархия», «инородцы», «прислуга», «лакей».

Появились новые слова, связанные с новой жизнью, с революционным бытом, с классовой борьбой: «политпросвет», «ликбез», «ударничество», «соцсоревнование», «агитка», «вузовец», «загс», «комсомолец», «культработа», «лишенец», «раскулачить», «колхоз» «нацмен», «нарсуд», «нэпман», «социал-лакей», «октябрины», «рабфак», «свердловия», «субботник», «промфинплан», «чекист», «рабкор» и т. д. и т. д.

Наш революционный язык обогатился новыми по сравнению с дооктябрьским языком словами и утратил ряд старых, уже ненужных, и еще в большей мере, чем в свое время во Франции; это обновление языка было встречено враждебным классом, у нас —буржуазией, насмешками, глумлением и злобным воем. Г. Винокур в своей книге «Культура языка» гвоорит, что хулители «советских сокращений» брезгуют газетой, где напечатано: «Москвотоп» или «ГУМ», презрительно-недоуменно прислушиваются к «продразверстке» или «культкомиссии».

Далее он рассказывает, как «пришла некоему московскому карикатуристу мысль нарисовать двух крестьян, ломающих голову перед вывеской со словом «вход» и недоумевающих — в какое учереждение они попали».

Какие изменения испытал русский язык в процессе пролетарской социалистической революции, в процессе классовой борьбы и соцстроительства.

Эти изменения, совершавшиеся быстрым революционным темпом, можно свести к следующим основным:

1. Возникновение новых слов, вызванных новыми социальными и политическими явлениями. Сюда относятся такие слова, как

«мешочник» «белогвардеец» «буденновец» (возникшие в период военного коммунизма и гражданской войны), «ленинизм», «партиец», «выдвиженец», «просвещенец», «подшефный» (слова, связанные с партийной, общественной и производственной жизнью), «лишенец», «частник», «середняк» (слова, созданные классовой борьбой, экономическим и классовым расслоением).

2. Создание новых слов, одного из частей двух и даже более слов: «агитпроп», «комячейка», «партнагрузка», «рабфак», «колхоз», «совхоз», «продмаг», «рабкор», «нарком», «реввоенсовет», «Коминтерн», «промфинплан», «Турксиб», «Наркомпрос», «Главполитпросвет».

3. Создание новых слов из начальных звуков или букв названия учреждения: ГПУ, говорим—«Гепеу» (Государственное политическое управление), МГУ, говорим—«Эмгеу» (Московский государственный университет), «КУТВ» (Коммунистический университет трудящихся Востока), «ВЦИК», «Вэкапэ» (ВКП), «Эркакаа» (РККА—Рабоче-крестьянская красная армия).

4. Изменение значений старых слов: «пионер» — теперь член пионерской детской организации, раньше — человек, пролагающий новые пути; «октябрь»—раньше только название месяца, теперь кроме этого—Октябрьская революция. «Молодняк»—молодая лесная поросль; теперь часто называют этим словом молодежь; «чистка»—раньше только чистка обуви, платья и т п., теперь—проверка политических и социальных качеств служащих.

5. Замена старых слов новыми: вместо слова «прислуга» теперь говорят «домашняя работница», вместо «жалованья» — «зарплата» и т. д.

Замена эта вызвана стремлением придать словам, обозначающим труд и получаемое за него вознаграждение, более приемлемый с пролетарской точки зрения смысл: «прислуга» напоминает рабство, лакейство; «жалование» —хозяйскую награду, старое бюрократическое чиновничество.

6. Утрата или отмирание старых слов, потерявших свою социальную ценность и выразительность. О них мы уже говорили раньше. Это — слова, связанные со старым строем, самодержавно-полицейской Россией и с бытом дооктябрьской революции («господин», «милостивый государь», «земство» и т. д.).

7. Появление и распространение иностранных слов. Иностранные слова занимают очень большое место в нашей речи. Появление их — результат общения хозяйственно-экономического, социально-политического и культурного, с народами, говорящими на других языках. При этом в классовом обществе общение протекает неравномерно, обычно лишь известные (господствующие) классы одной страны равняются по более высокой классовой культуре других. Очень многие слова иностранного происхождения настолько обрусели, что мы не замечаем того, что они нерусские, так например слова: «школа», «артель», «штык», «лошадь», «собака». Иностранные слова проникали в русский язык в разные эпохи, и характер этих слов связан с тем историческим моментом, когда это происходит. В каждую социальную эпоху из иностранного языка заимствуются те слова, которые более отвечают потребностям ее ведущего класса. Так когда в XI—XII веках ведущей прослойкой господст-

вующего класса была группа церковников, феодалов духовенства, в русский язык перешли иностранные слова, связанные с церковью и религиозным обиходом; когда же роль ведущей прослойки класса через целый ряд промежуточных звеньев (мы на них здесь не указываем) перешла к вновь образовавшемуся слою придворного дворянства (в XVIII веке), связь этого дворянства с западноевропейской знатью принесла в русский язык иностранные слова, отвечающие потребностям этого класса, и т. д. Подробнее об этом говорится дальше — в четвертой беседе. Наше время, время мировой революции, революционной пропаганды, время социалистического строительства, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, ликвидации кулачества как класса, срочно требует слов, которые обозначали бы точно явления и мысли нашей жизни. Берутся новые слова, когда есть подходящие слова в другом языке, и, если такие слова отвечают нашим потребностям, мы широко ими пользуемся. Так язык Французской революции дал языку Октябрьской революции очень много слов: «агитатор», «трибунал», «комиссар», «декрет» и др. Почему? Потому, что в бывшей Российской империи с ее пережитками Октябрю пришлось доделывать многое из того, что не сумел сделать Февраль,—пришлось осуществить ряд достижений демократически-революционных (например борьба с религией, с продажей женщины, с ношением чадры и т. п.), борьба за технику, лозунг «догнать и перегнать», опять потребовала слов: «конвейер», «комбайн», «трактор» и др. Эти слова взяты из производственного технического словаря наиболее передовых стран — Америки, Германии. И здесь русскому пролетариату было еще чему «учиться, учиться и учиться» (Ленин).

Но развертывание социалистического строительства породило и ряд явлений, которым не было еще ничего подобного в прошлом или настоящем капиталистических стран. И здесь приходится создавать новые слова из русских или вошедших в русский язык основ: «ударник», «соцсоревнование», «выдвиженец», «пятилетка» и др.

Все названные виды изменения в языке не всегда бывают равно приемлемы с точки зрения их ценности для широкой культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работы.

Ведь важно, чтобы слово было звучно, ярко и выразительно. Нужно, чтобы оно точнее и быстрее выполняло свое социальное назначение, чтобы оно было острым оружием в классовой борьбе. И среди отрицательных моментов в этих изменениях языка мы должны отметить такие, которые засоряют речь. А это прежде всего ненужное, излишнее употребление иностранных слов в том случае, если имеется соответствующее ему по смыслу и удобопроизносимости русское слово. И это особенно нужно иметь в виду массовому работнику политпросвета: ведь он имеет дело с низовой массой трудящихся, и засорение речи непонятными словами может принести громадный вред. Следует употреблять только те иностранные слова, которые уже известны широко, вследствие их распространения и общеупотребительности: «коллективизация», «лозунг», «индустриализация», «трактор», «машина», «коммуна», «коммунизм» и т. п. Но употребление в массовой работе слов:

«ажиотаж» (возбуждение), «компетентный» (сведущий), «компенсация» (удовлетворение), «координация» (согласование) и целого ряда других—явления крайне опасные в массовой работе. Их следует избегать или заменять русскими словами, в крайнем случае давать им толкование, разъяснения.

Вот образец неумелого пользования иностранными словами в докладе на делегатском собрании рабочих. Этот образец взят из фельетона А. Зорича (газета «Правда» от 25 февраля 1925 г.).

«Товарищи! Конъюнктура рынка в настоящий момент аналогична конъюнктуре прошлого года. И задача координации, увязки производственных перспектив, вставшая перед нами во всем своем колоссальном значении, побудила нас к созданию при стройтехнбюро, о деятельности которого я и буду иметь честь вам доложить. Надо отметить, что точные функции бюро, организация которого вначале иронически встречена была в высших инстанциях как мера паллиативная, до сих пор не определилась, но они еще многообразны, товарищи, и за короткий срок существования бюро завоевало уже себе общее признание: мы добились санкции и субсидии. Я стеснен регламентом, и ориентирующий мой доклад будет носить поэтому конкретную форму: задачи, стоящие перед нами, я постараюсь сформулировать в той конкретной плоскости...» и т. д.

В этом коротком отрывке речи, вообще нескладной и трудно понятной, около двадцати ненужных иностранных слов, которые могли бы быть заменены русскими, а именно: 1) «конъюнктура»— известное положение вещей, определенное состояние, здесь — состояние народного хозяйства; 2) «координация» — согласование. 3) «аналогична» — похожа; 4) «колоссальный» — большой, громадный; 5) «функции» — действия, обязанности; 6) «иронически» — насмешливо; 7) «инстанция» — учреждение, стоящее в порядке других учреждений выше или ниже; 8) «паллиативный» — временный, временное средство; 9) «санкция» — утверждение; 10) «субсидия»— помощь (обычно денежная); 11) «регламент» — порядок, правила (обычно на заседаниях); 12) «ориентирующий»—знакомящий, показывающий, разъясняющий; 13) «конкретный» — действительный, близкий к действительности, пользующийся материалом, отражающим действительность.

Доклад читался перед рабочими, и неудивительно, что один из них слово «конъюнктура» понял как «конная дура». И нам никогда не нужно забывать поэтому замечательные слова Ленина: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать «недочеты» или «недостатки» или «пробелы»?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без

надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например употребляют слово «будировать» в смысле «возбуждать», «тормошить», «будить». Но французское слово „bouder" (будэ) — значит сердиться, дуться. Поэтому «будировать» значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французско-нижегородское словоупотребление—значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, недоучился, а во-вторых, коверкал русский язык. Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?».

К отрицательным явлениям следует отнести также неудачное, ненужное сокращение слов, не вызываемое действительными потребностями. Тут опять должна преследоваться цел понятности, общеупотребительности и удобопроизносимости. Сокращенные слова должны употребляться только тогда, когда они общеизвестны, например: Наркомпрос, ВЦИК, Совнарком, колхоз, промфинплан. Но такие сокращения, как ИЛЯЗВ, Дорпрофсож, непонятны широким массам, и потому ненужны.

БЕСЕДА ПЯТАЯ.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР.

Наш СССР объединяет громадное число национальностей, говорящих на различных языках. Эти языки и по своему словарному составу и по строю речи представляют собой самые резкие различия. В наш Союз входят национальности, говорящие на языках — русском, белорусском, украинском, еврейском, польском, татарском, грузинском, армянском, чувашском, на языках коми, бурятском, киргизском, осетинском, самоедском, цыганском, черкесском, якутском и т. д. Число языков, на которых говорят в СССР, свыше ста, не считая наречий.

Язык государственный и языки нацменьшинств.

Каждый национальный язык в Советском Союзе пользуется всеми правами наравне с общегосударственным языком. Общегосударственным языком является у нас русский язык. Это потому, что на этом языке пишутся законы и декреты для всего Союза. Русским языком пользуются в общегосударственных, общесоюзных учреждениях, на этом языке издаются центральные газеты и распоряжения центральной советской власти. Но это, разумеется, не значит, что русский язык является господствующим и исключает другие языки.

В национальных советских республиках, которые входят в состав СССР, государственным языком являлся язык этих наций. Так в татарской республике—татарский. Здесь на татарском языке печатаются газеты, издаются распоряжения местной власти, на этом языке ведется преподавание в школах, ведется суд. То же самое в чувашской республике (столица—г. Чебоксары). Не приходится

говорить, конечно, о таких крупных республиках, как Украина и Белоруссия.

Все национальности в Советском Союзе (малы они или велики по численности) равноправны и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях. И в своей жизни общественной и государственной они пользуются беспрепятственно своим родным языком. Эту законную свободу — говорить во всех случаях жизни, изучать этот язык, учиться на нем в школе, вести на нем суд, издавать газеты и журналы, эту свободу национальностям дала только советская власть.

ЯЗЫКИ НАЦМЕНЬШИНСТВ И РУССКИЙ ЯЗЫК В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ.

Что об этом говорил Ленин.

До Октябрьской революции господствующее положение в бывшей царской России занимал исключительно русский язык. Национальные меньшинства, называвшиеся в бывшей царской России «инородцами», обязаны были во всех государственных учреждениях говорить только на русском языке. Обучение в школе шло на русском языке, детям запрещали говорить в школе друг с другом на родном языке, суд велся на русском языке. Царская власть не считалась с тем, что русский язык был труден и непонятен большинству нацменьшинств, что безъязыкость нацменьшинств лишала их возможности отстаивать свои права. Царское правительство использовало эту безъязыкость для широкой их эксплоатации, для отнятия у них земли и т. п. Царское правительство, мало того, изгоняло употребление национальных языков в районах и областях с нерусским населением, хотя бы русская нация была там в ничтожном меньшинстве. Такие крупные языковые объединения, как белорусский и украинский языки, считались «наречиями» русского языка (и это в учебниках, в научных трудах) и часто высмеивались за те оосбенности, которые им присущи в отличие от русского языка.

Там же, где русский язык встречал сильное сопротивление национальной буржуазии, как например в царской Польше, Литве, Латвии, Грузии, там применялись даже меры полицейского воздействия. В Польше, часть которой раньше входила в состав царской России, не позволялось вести преподавание на национальном языке, вести судебные заседания, опрос свидетелей и т. п. Везде в государственных учреждениях обязательно нужно было пользоваться только русским языком.

Так поступали с сильными экономически и культурно нациями. Что же касается языков экономически и культурно слабых наций, то их языки совершенно не принимались в расчет, и русский язык там насаждался, как безусловно государственный и единственный. Царское правительство, осуществляя цели и задачи русской торгово-промышленной буржуазии, стремилось насаждать насильственно русскую «культуру» среди тех национальностей, которые подвергались эксплоатации со стороны русского капитала. В своих стремлениях захватить наиболее богатые земли, получить дешевую рабочую силу. русский империализм продвигался на во-

сток и север, на запад и юг, колонизировал, заселял занятые силой оружия территории своими слугами — чиновниками, губернаторами и полицейскими. Русский язык этих агентов и прислужников царского империализма был чужд языку нации, занимавшей захваченную ими территорию.

Насаждение русского языка, насильственное и беспощадное, было нужно и выгодно дворянско-помещичьей власти, ибо облегчало эксплоатацию и произвол. О том же, чтобы содействовать развитию национальных языков в Чувашии, у коми, у вотяков, поднять культуру этих нацменьшинств путем открытия хотя бы школ с преподаванием на родном языке,— об этом не могло быть и речи. Вместо этого открывались русские церкви и царские кабаки. Правда, были случаи, притом редкие, когда агенты царского правительства открывали школы для нацменьшинств. Но: 1) эти школы открывались миссионерами, т. е. проповедниками и насаждателями казенной христианской православной религии, 2) в задачу подобных школ входило воспитание из представителей нацменьшинств одурманивателей своего же народа в интересах той же дворянско-помещичьей власти. Царскому правительству, капиталистическому обществу нужны были не культурные строители, а покорные бессловесные рабы. Вот что в 1914 г. писал Ленин о царской политике по отношению к национальным меньшинствам и их языкам:

«Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения. Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые ее защищают? «Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы были будто бы строителями и собирателями земли русской.

Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи [1] даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорят до 60% невеликорусского населения».

Положение языков нацменьшинств в буржуазных странах.

Такое положение языков нацменьшинств не есть явление, свойственное исключительно царской России. Во всяком буржуазно-капиталистическом государстве, в состав которого входят несколько национальностей, угнетение одной национальности другой — обычная картина. Сильная политически и экономически нация (точнее ее господствующие классы), создавшая свою силу и благополучие

---

[1] Пуришкевич — один из оголтелых монархистов-черносотенцев.

путем насилия и эксплоатации трудящихся, путем насилия обычно присоединяет к себе экономически слабые нации с целью использовать территорию, занимаемую этой нацией, с целью получить лишнюю рабочую силу.

Поэтому угнетение нацменьшинств, входящих в состав капиталистической страны, принимает обычно самые жестокие формы. Так например было с французским населением области Эльзас-Лотарингии. Эту богатейшую углем и рудою область оттягала в 1871 г. у французской буржуазии германская буржуазия. И все население в течение 40 лет испытывало гнет империалистической политики Германии. Был введен в качестве обязательного во всех школах немецкий язык, во всех государственных и общественных учреждениях французское население Эльзас-Лотарингии обязано было пользоваться только немецким языком. После мировой войны «вернувшая» себе «отторгнутую часть прекрасной Франции» французская буржуазия проводит ту же политику национального угнетения по отношению к немецкой части населения Эльзас-Лотарингии.

Сейчас такую же политику по отношению к нацменьшинствам ведут вновь образовавшиеся из разных национальностей государства. Панская Польша, в состав которой входят насильно присоединенные украинцы и белоруссы, ведет эксплоататорскую, угнетательскую политику по отношению к этим двум крупным нациям, обладающим своим языком, своей культурой. Украинский и белорусский языки преследуются. Преподавание в школах ведется на польском языке. Польский язык считается государственным и обязательным во всех государственных и судебных учреждениях.

Ту же картину мы наблюдаем и в Югославии и Чехословакии, и в Румынии, и во всех странах, где власть принадлежит капиталу.

ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРИАТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЯЗЫКАМ НАЦМЕНЬШИНСТВ.

Что об этом говорил Ленин и говорит Сталин.

Советская власть, уничтожившая эксплоатацию трудящихся, разрешила и национальный вопрос в смысле полного раскрепощения нацменьшинств от гнета какой-либо другой нации. Советская власть объявила о полном праве всех наций, входящих в состав бывшей России, на самоопределение, т. е. на желание или нежелание вступить в Союз социалистических республик; вместе с этим каждой нации, вошедшей в состав Советского Союза, предоставляется возможность пользоваться везде и всюду своим языком и развивать свою культуру. Ибо установление советской власти в России на место царской уничтожило власть русской буржуазии не только над русским рабочим и крестьянином, но и над рабочими и крестьянами других наций.

И, считая необходимым поднятие общеэкономического, политического и культурного уровня трудящихся нацменьшинств, пролетарская власть не только предоставляет свободу нацменьшинствам в этом отношении, но всячески содействует развитию культуры у нацменьшинств. Без развития родного языка, без изучения его

невозможны культура и экономический подъем. И мы видим, что Советский Союз покрывается сетью школ, где родной язык является основным; открываются школы, где все преподавание ведется на родном языке, а русский язык введен только как общеобразовательный предмет. Издается масса методической и учебной литературы для школ нацменьшинств по родному языку. Открыты и работают специальные университеты — КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), КУНМЗ (Коммунистический университет нацменьшинств Запада). Все местные государственные и общественные учреждения ведут дела только на родном языке нацменьшинств. В нацреспубликах и в центре издаются журналы и газеты на языках нацменьшинств. Тов. Сталин в своей речи о политических задачах университета народов Востока указывает, что развитие национальной культуры, проводимое советской властью, не противоречит развитию общепролетарской культуры, что при правильной ленинской постановке той и другой — выигрывают обе. Он говорит:

«Но что такое национальная культура? Как совместить ее с пролетарской культурой? Разве не говорил Ленин еще до войны, что культуры у нас две: буржуазная и социалистическая, что лозунг национальной культуры есть реакционный лозунг буржуазии, старающейся отравить сознание трудящихся ядом национализма? Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей — со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непроходимого противоречия? Конечно нет. Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существа национального вопроса с точки зрения ленинизма. Ближайшие и неотложные задачи, которые стоят перед пролетариатом в области советских республик раскрепощенных наций, — это развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственых кадров из местных людей.

Выполнить эти задачи — это именно и значит обеспечить дело социалистического строительства в советских республиках Востока».

И Ленин еще в 1914 г. говорил, что «необходимо отсутствие обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства».

Заветы Ленина выполнены. Национальная политика советской власти в отношении языка за короткий срок дала блестящие результаты. Освобожденные от засилия чужой речи, от гнета русского языка, многие языки Советского Союза пышнее развили свою культуру: мы имеем расцвет литературы, художественного и научного слова в УССР, в БССР, в Грузии расцвет литературы, превосходящей ее достижения в феодальную и буржуазно-помещичью эпоху; появляются и крепнут литературы многих горских народов: башкирская, чувашская и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ (ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ) ЯЗЫК И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Когда и как создастся общий единый язык мира. Что говорил об этом на XVI партсъезде т. Сталин.

Пролетарская власть содействует росту как общей культуры среди нацменьшинства, так и особенно национального языка. Но, ведя борьбу с великорусским шовинизмом, мы не должны упускать из виду и местный национальный шовинизм. Пережитки этого национального шовинизма проявляются как в резко отрицательном отношении ко всему русскому, хотя бы и советскому, так и в стремлении обособиться в рамках узко-национальных, с одной стороны, и с другой — во вражде к другим национальностям. В последнем случае мы всегда имеем замаскированный маневр национальной буржуазии, стремящейся замазать классовый антагонизм (противоречия, вражду). Этот национальный шовинизм не мене опасен, чем великодержавнические настроения великоруссов. Он ведет к отчуждению трудящихся масс национальных республик от русских рабочих, т. е. от огромного большинства пролетариата нашего Союза, к ослаблению классовой борьбы трудящихся угнетенных наций против своих эксплоататоров, принадлежавших к одной с ними национальности. Будучи направлен против нацменьшинств своих республик, этот уклон ведет к обострению и разжиганию национальной вражды и ненависти, он объективно играет на руку местной буржуазии и стоящему за ее спиной иностранному империализму. Великодержавный шовинизм великороссов и местный шовинизм одинаково поэтому являются препятствиями в создании как общепролетарской культуры, так и в развитии национальных культур. Ведь пролетарская власть есть власть, которая в конечной своей цели стремится к установлению всемирного единства всех трудящихся, результатом которого должна именно явиться культура с одним языком. Нет ли тут опять противоречия: с одной стороны — мировое единство всех трудящихся, всего пролетариата, с одним языком, с другой — насаждение и развитие национальных культур, национального языка? Противоречия тут нет.

Вот как об этом говорил на XVI партсъезде т. Сталин:

«Может показаться странным, что сторонники с л и я н и я в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком являются вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции (возможности.—*В Б.*), чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для с л и я н и я их в одну общую социалистическую (и по форме и содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре».

И вот как в заключительном слове на том же партсъезде говорил т. Сталин по вопросу об едином мировом языке:

«Теория слияния всех наций в одну общую в е л и к о р у с с к у ю нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в м и р о в о м м а с ш т а б е. Что касается более далекой перспективы национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в м и р о в о м м а с ш т а б е, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». И дальше: «Вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос в н у т р и г о с у д а р с т в е н н ы й, не вопрос победы социализма в о д н о й стране, а вопрос м е ж д у н а р о д н ы й, вопрос победы социализма в м е ж д у н а р о д н о м масштабе».

Искусственные языки. Эсперанто.

Важно отметить, что попытки создать международный, общий язык имелись и имеются и в буржуазном классовом обществе: известны искусственные языки—«эксперанто», «идо» и др. Это—языки, составленые из слов, которые наиболее употребительны у всех народов (главным образом европейских). В них входят элементы и французского, и английского, и немецкого, и отчасти русского языков. Слова для образования фразы соединяются наиболее простым способом. Создание таких искусственных международных языков вызывается развитием техники и науки и потребностью интернационального обмена их достижениями. Однако этой потребности в создании и развитии единого международного языка в условиях буржуазно-капиталистического общества противоречит, существующая в капиталистическом обществе конкуренция отдельных национальных буржуазий, которые в целях этой конку-

ренции стремятся к обособлению друг от друга и тем самым тормозят дело языкового объединения народов. Это-то противоречие капиталистического общества и тормозит развитие и распространение эсперанто. Поэтому все попытки создать международный язык в условиях капиталистического общества остаются паллиативами (непрочными, временными мерами). Да и самый язык эсперанто носит классовый характер, так как создание его, как и языка «идо», ориентируется на языки капиталистических стран Западной Европы (французский, итальянский, английский, немецкий и т. п.), и в этом, конечно, проявляются опять-таки великодержавные тенденции буржуазии. Отсюда понятен интерес фашистов к эсперанто, ибо язык эсперанто в большей части своих слов и форм построен на основе языков «цивилизованных» романских народов (к романским языкам относятся итальянский, французский, испанский, португальский, румынский). Однако рабочий класс пользуется и должен пользоваться и этим буржуазным орудием в целях борьбы с буржуазией. Мы наблюдаем, как на Западе и у нас развивается эсперантское движение среди рабочих: на эсперанто издаются рабочие газеты, ведется переписка на этом языке между рабочими организациями (и индивидуальная), между школьными коллективами СССР и рабочей молодежью Запада.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

Язык, на котором говорит и пишет культурный слой господствующего класса, его передовая часть, его, так сказать, авангард,— на котором создается художественная, научная и политическая литература, называется языком литературным. Русским литературным языком является тот язык, на котором созданы произведения лучших писателей, на котором написаны сочинения вождей революции— Ленина, Сталина и других, и который они употребляли и употребляют в своих выступлениях перед массами. Литературным языком пишутся статьи в газетах и журналах, книги и учебники. Литературный язык отличается некоторыми особенностями от языка обыденной, повседневной речи, от разговорного языка: ведь никто в своей личной жизни, в разговоре с товарищами, в семье не говорит так, как пишут в газете, в учебнике, в научных статьях. В нем нет иных слов и выражений, употребляющихся в повседневной жизни, но в нем есть и слова и выражения, которые употребляются преимущественно только в нем. Литературный язык—это язык прежде всего точный, ясный, образный, в нем нет ничего лишнего, и вместе с тем слова и выражения литературного языка точно обозначают явления, факты, предметы, которые хочет назвать пишущий или говорящий.

Значение литературного языка на данном этапе социалистической стройки.

В нашу эпоху бурного социалистического строительства и обостряющейся классовой борьбы умение пользоваться таким

точным и ясным языком необходимо. Литературный язык своей сжатостью, отсутствием лишнего, наибольшей краткостью, своей точностью — называет вещи и факты своими именами, своей выразительностью помогает легче понять и усвоить написанное или сказанное. Темпы соцстроительства не позволяют разбрасываться лишними словами, классовая борьба в стране требует ясности, точности, определенности мысли и слов.

Этими особенностями литературного языка должны быть насыщены и договоры на соцсоревнование, и стенгазеты, и агитационно-пропагандистское выступление. Критически перерабатывая наследие лучших представителей старой литературы (Пушкин, Л. Толстой, Салтыков), в особенности идеологов революции (Чернышевский, Добролюбов, шестидесятники), мы должны учиться у лучших вождей пролетариата и выразителей его мыслей — у Ленина, Сталина и др.

Классовая база русского литературного языка.

Литературный язык — явление сложное и до некоторой степени искусственное и условное. В разные социальные эпохи литературный язык по составу слов, по строю речи был различен в зависимости от социально-экономического, политического и культурного состояния нации, в зависимости от того, какой из классов был господствующим, так как руководство социально-экономической, политической и культурной жизнью обычно находится в руках господствующего класса.

А это зависело от характера экономической формации, которой и соответствовал известный строй классовых отношений. Смена экономических формаций вызывала смену строя классовых отношений и вследствие этого переход руководящей роли от одного класса к другому — переход, сопровождающийся, конечно, борьбой этих классов. Борьба же классов сказывается и в литературном языке (о чем мы говорили выше, в первой беседе). «За литературный язык,— говорит т. Г. К. Данилов,—шла непрерывная борьба между уходящим и восходящим классом. Новый класс выдвигает свой язык в качестве литературного. Критическое усвоение литературного языка класса-предшественника является уже особой формой классовой борьбы». И до Октябрьской революции литературный язык переживал различные изменения. До XVIII века было два о с н о в н ы х класса — крестьяне и землевладельцы (духовенство—в XI—XII веках, бояре, помещики). Господствующим классом был класс землевладельцев. Поэтому-то литературным языком того времени был язык землевладельцев (в один период — это язык духовенства, в другой — московского боярства и служилого дворянства, в третий — помещиков). В XIX и XX веках происходит изменение: возникают в связи с изменением экономических формаций два новых основных класса — буржуазия и пролетариат, и господствующим классом становится буржуазия, хотя пережитки феодализма крепко держатся до самой революции 1905 г. Поэтому литературным языком в XIX и XX веках до Октября становится язык буржуазии. Здесь, как и всегда, мы должны помнить о преемственности классов в области культуры: старое наследие не

выбрасывается механически, а перестраивается и перестраивается не сразу.

С Октябрьской революции начинается стремительная перестройка литературного языка помещиков в язык трудящихся масс, литературного языка буржуазии в язык пролетариата как отражение борьбы последних не только за экономическую, но и за культурную гегемонию (господство).

Как образовался литературный (московский) язык и его составные части.

В силу целого ряда исторических, политических и экономических причин Москва стала центром государства, сосредоточив в себе в течение ряда столетий политические и культурные силы страны. Состав русского литературного языка отражает в себе все экономические, социальные и политические изменения, которые испытал носитель этого языка — русское государство в лице его господствующих классов. В нашем языке есть целый ряд слов, далеко нерусского происхождения, вошедших в русскую речь в отдаленные времена. Русский литературный язык возник около тысячи лет назад. По происхождению своему он древнеболгарский язык, пересаженный в Россию в качестве культового языка, т. е. в качестве языка узкой прослойки господствующих классов — духовенства. Первое время он был чужд живой разговорной речи русского народа, но в процессе долгого употребления многие слова, церковно-славянские, подверглись обрусению и вошли в обиход на равных правах с русскими словами, и мы сейчас их употребляем, не замечая этого. Таких слов у нас очень много. Отметим только те, которые имеют сочетание звуков «ла», «ра», «ре», «ле», т. е. «врата», «млад», «брег», «мелко». Эти слова нерусские. Мы их употребляем редко. Зато другие,—производные от них, у нас в полном ходу: «привратник», «младенец», «безбрежный», «млекопитающие».

Еще примеры: «глава»—слово нерусское (церковно-славянское), русское же—«голова». Но употребляем: «глава книги», «заглавие» «главный» (русское военное выражение — «головной отряд»). Нерусское—«прах», русское «порох» — «порошок», но употребляем «в пух и прах», т. е. разрушить, уничтожить, привести в вид пуха и порошка (стереть в порошок). Нерусское—«страна», русское—«сторона». но употребляем «странный»—в смысле «редкий», «чужой». «не из нашей страны», «иностранец», «странствовать» и т. д. и т. п.

Таким же элементом старого влияния древнеболгарского (церковно-славянского) языка на русский являются слова с сочетанием звуков «жд» при русском «ж». «Чуждый» — нерусское слово, русское — «чужой», но говорим «чуждаться». «Невежда» — нерусское слово, употребляется у нас в смысле «незнающий», «непонимающий», а русское «невежа»—в смысле «не умеющий вести себя», «не знающий пристойности в общежитии».

Слово «гражданин» по происхождению дважды нерусское и по сочетанию «ра» и по сочетанию «жд». русское слово — «горожанин». Вы замечаете все-таки близкое звуковое сходство между теми словами, которые мы называем нерусскими и которые — чисто русскими. Это объясняется тем, что древнеболгарский и русский

языки — оба славянские языки и во многом сходны между собой. Различие между ними главным образом в сочетании звуков. Можно привести целый ряд остатков в нашем литературном языке, сохранившихся от того времени, когда в силу определенных экономических и политических потребностей господствующие классы того далекого от нас времени — князья и их дружинники — вынуждены были обратиться к древнеболгарскому языку для насаждения письменности и выгодной им церковной идеологии на Руси. Впрочем скандинавские завоеватели древней Руси принесли в русский язык и некоторые свои слова: таково, например, слово «кнут», немецкое «кнотен»—«узел».

Эти экономические и политические силы толкнули Русь в дальнейшем на связь с Грецией того времени (которая тогда называлась Византией). Вернее Византия была заинтересована в экспансии (усилении, развитии, усиленном продвижении) своего торгового капитала, в захвате сырьевых рынков (а Русь и давала сырье). Вместе с греческими купцами, прокладывая им путь, шли и греческие попы. И целый ряд греческих слов перенесен в русский язык и застрял в нем; такими словами являются, например: «фонарь», «тетрадь», «грамматика», «поп», «дьякон», «грамота»—почти все слова, связанные с церковью и письменностью.

Татарское завоевание в XIII веке и связи с Востоком также внесли в наш язык много слов: «лошадь», «собака» и другие слова, связанные со скотоводством и плодоводством, названия утвари и одежды: «кибитка», «аркан», «кушак», «чулок», административные и военные термины: «каланча», «ярлык». Эти, как и многие другие слова, настолько обрусели, что очень многие из нас и не подозревают их иноземного происхождения. Эти слова показывают также, как многому русские учились у тех нацменьшинств, которых великодержавники хотят изобразить годными лишь на ассимиляцию (слияние слабой нации с более сильной).

Последующие эпохи, эпохи перестройки феодальной восточно-византийской Руси по образу абсолютных монархий Запада, сношения с Польшей, Францией, Германией и Голландией и ориентация русского дворянства на более передовое дворянство этих стран обогатили русский язык громадным числом новых слов и выражений: «писарь», «лекарь», «банка» — польские слова; «атака», «баланс» — французские; «слесарь», «гайка», «стамезка» — немецкие; «матрос», «флаг», «лот», «гавань», «койка» — голландские.

Развитие науки и техники, изобретение новых машин, смена дворянства новым господствующим классом — буржуазией — все это дало русскому литературному языку много иностранных слов: «телефон», «телеграмма», «аэроплан», «машина», «трамвай», «дирижабль», «агроном», «индустрия», «электричество», «трактор», «турбина», «бензин» и т. д., без конца. Международное революционное движение внесло в русский литературный язык слова, связанные с экономической и политической борьбой пролетариата и буржуазии: «социализм», «социология», «марксизм», «капитализм», «фракция», «легальный», «оппортунизм», «демократизм», «федеративный», «локаут», «синдикализм» и много других.

Все вышесказанное, конечно, не обозначает того, что русский литературный язык обогащался исключительно переносом иностран-

ных слов в русскую речь. Русский литературный язык обогащался и обогащается также за счет своих собственных средств: в связи с возникновением новых явлений и понятий в общественной, политико-экономической и культурной жизни создались новые слова; так, например, в XVIII веке были созданы слова: «промышленность», «влияние», «заложник», особенно много словесных новообразований внесено в русский язык после Октября. Ряд слов введен отдельными писателями, общественными деятелями, ораторами. Однако не все вновь образовавшиеся, придуманные отдельным человеком, слова могут остаться: если слово неудобопроизносимо и не отвечает социальной потребности, оно исчезает. Так в свое время было изобретено Шишковым слово «мокроступы» вместо «калоши», а Даль старался заменить «горизонт» «небоземом». Ввиду неблагозвучности и нелепости своего значения эти слова не привились. Также не привилось слово «летатель», изобретенное в первые годы авиации (оно заменено новым, более выразительным и коротким— «летчик»); слово «светопись» не получило широкого распространения, и мы пользуемся словом «фотография».

Русский литературный язык, включая в себя целый ряд иностранных влияний, новообразований, созданных и создаваемых как прежними, так и современными писателями, в настоящее время все больше стремится сблизиться с живой устной речью массы, использует богатый источник ее языка.

Классовый характер русского литературного языка.

Русский литературный язык до Октябрьской революции был языком «образованных» классов. И так как образование и культура до 1917 г. вообще и в конце XVIII и в начале XIX веков сосредоточивались в руках дворян и помещиков, а затем торогово-промышленной буржуазии, то и литературный язык был языком классовым. Ибо эти господствующие классы пользовались теми словами, которые выражали их интересы и стремления. С переходом же всей власти в руки пролетариата, в результате ожесточенной классовой борьбы, культура, экономика и политика связаны с интересами всех трудящихся и служат этим интересам. А поэтому и язык, выражающий интересы и стремления, борьбу и строительство трудящихся, изменяет свой характер. И конечно в создании нового литературного языка играет большую роль ведущий класс, а таким классом в СССР являются пролетариат и его наиболее передовая часть — партия.

«Пролетариат, особенно в передовой своей части, — пишет Г. К. Данилов, — выступая на данном этапе в роли движущей силы исторического процесса, самой логикой вещей подводится к тому, чтобы, творя новое в общественности, переделывать самого себя, свою психологию, быт, язык. Следствием этой переделки является бурный процесс словотворчества, овеществление экспрессии в новом слове. Таковы: «аппаратчик», «выдержанный», «зажим», «примазаться», «режим», «чистка», «шкурник», «легкая кавалерия», «оторваться от масс» и т. д. и т. п. Но пролетариат переделывает не только самого себя,—он переделывает и основные массы крестьянства. В результате неологизмы становятся всеобщим достоянием трудящихся.

Если рабочему как классу присуще итти вперед, творить новое, то также присуще ему и отталкиваться от старого, вымирающего. Ясно поэтому, что архаизмы широким распространением у рабочего пользоваться не могут (неологизмы—новые слова; архаизмы—старые древние слова).

Сравним язык помещика-дворянина Алексея Толстого и язык современного писателя Колосова. Оба они описывают детство своих героев.

У Алексея Толстого в его повести «Детство Никиты» читаем: «После заутрени вернулись домой к накрытому столу, где в пасхах и куличах, даже на стене, приколотые к обоям, краснели бумажные розаны. Попискивала в окне в клетке канарейка, потревоженная светом лампы. Петр Петрович, в длиннополом черном *сюртуке*, посмеиваясь в татарские усики, налил всем по рюмочке вишневой наливки. Дети *колупали* яйца, облизывали ложки. Марья Мироновна, не снимая шали, сидела усталая, не могла даже *разговляться*, только и ждала, когда наконец орава, так она звала детей, угомонится.

Едва только Никита (герой повести) улегся под синим огоньком лампы на перине, закрылся бараньим полушубком,— в ушах у него запели тонкие, холодноватые голоса: «*Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ*...»

А вот впечатления Ваньки Назаренко из рассказа современного писателя Колосова «Тринадцать».

«Воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота и опять воскресенье, опять понедельник—тянется, тянется кружево дней.

Вот закружили яркие, пестрые—это праздник *комсомольского* рождества. Вышли всречать карнавалом: Ванька—чортом, маленьким, черненьким, Федька—дьяконом, Митька—ксендзом, Митрий—ведьмой, кто—во что.

Прыгали в визге, прыскали звоном, пели, плясали.

Утром пошли в *район*. Встретились. Слились. Ливнем по улицам, тротуарам. А вечером—вечер. Девки и парни, взрослые, старые—ни в бога, ни в чорта.

Укатили праздники, подкатила *кампания*. Называлась кампания флотской, приходил *товарищ с портфелем*, собирал на общем собрании *ячейку*, собирала ячейка фабричную молодежь. Говорил товарищ о *шефстве*. Приходил потом моряк с золотым зубом, говорил о *текущем моменте* во флоте. Выручили оказать помощь людьми и средствами.

Из людей помогли Сенькой. Качали Сеньку в ячейке, качали в районе, качали на Красной площади. И от этого ходил Сенька ровно приводной ремень».

Таким образом на этом примере мы видим, что литературный язык — классовый язык. Словарный состав его, строй речи соответствует стремлениям и интересам того класса, который в данный отрезок времени является господствующим (в классовом обществе) или ведущим (при социалистической перестройке общества); новая эпоха — новые общественные отношения, новая классовая психоидеология — новые слова.

Язык социальных групп.

Литературный язык — язык господствующего класса. Современное буржуазно-капиталистическое общество представляет собой два основных класса — класс капиталистов и пролетариата. Кроме этих двух основных классов имеются промежуточные прослойки, оставшиеся от прежних экономических формаций: землевладельцы, мелкая буржуазия и крестьянство. Эти промежуточные прослойки приспособляются к новому экономическому положению и являются классами пережиточных общественных формаций. Таково положение во всяком буржуазно-капиталистическом обществе. У нас, в СССР, где основными классами являются пролетариат, строящий социалистическое бесклассовое общество, и крестьянство, также имеются пережитки прежних общественных формаций: городские служащие, интеллигенция (пережитки мелкой буржуазии), сельская буржуазия (кулачество) и т. п.

И язык каждой из этих формаций имеет свои особенности. Язык единоличника-крестьянина связан с его жизнью и трудом на земле; слова, которыми этот язык насыщен, реже употребляются городским рабочим. Возьмите хотя бы наименование всех видов крестьянской работы, всей утвари крестьянского быта: «плуг», «соха», «веялка»», «гумно», «яровой», «озимый» или слова, характеризующие отсталость крестьянского быта и крестьянской идеологии: «посиделки», «смотрины», «знахарь», «поголосить по покойнике» и т. д. Рабочий, давно порвавший с деревней или с детства выросший в городе, реже или почти совсем не употребляет слов, связанных с сельскохозяйственными трудовыми процессами. В его речи мы слышим слова городской культуры: «автомобиль», «трамвай», «телефон», «театр», «завод», «машина», и целый ряд слов, связанных с жизнью фабрики и завода: «цех», «гудок», «домна», «фланец» и др. Язык городского служащего отличается от языка и крестьянина и рабочего. Тут мы имеем: «портфель», «канцелярия», «бумага», «кредит», «пишущая машинка», «Ундервуд», «копия», «отношение», «справка», «документ» и пр. Если в некоторых случаях язык служащего соприкасается с языком городского рабочего (так как они оба связаны с городом), то есть и значительные расхождения. Язык рабочего насыщен словами производственного, фабрично-заводского содержания, рабочий очень часто в своей речи употребляет выражения, отражающие его классовое самосознание.

Если мы возьмем язык колхозника, то увидим в этом языке много слов и выражений, показывающих связь колхозника с общественно-политической жизнью, много слов-терминов, связанных с машинной обработкой земли, и т. п. «трактор», «триер», «изба-читальня», «колхозные бригады», «агролекция» и т. п.

Профессиональные термины.

По мере усложнения производственного процесса «в структуре общества выделяются обособленные группы, служащие различным производственным целям», и создается то, что называется разделением труда. Разделение труда создает определенные профессиональные группы, профессии, и каждая профессия характеризуется особенностями языка, которым пользуются представители этих профессий.

Ведь у доктора свой язык: названия его инструментов, которыми он пользуется, названия болезней, которые он лечит, названия лекарств, которые он прописывает—все эти слова составляют значительную часть его языка, именно ту часть, которая связана с его работой. Мало того, те явления, которые мы называем одним словом, он называет другим: говоря о «болезни», которую он лечит, он скажет «случай» («тяжелый случай», «интересный случай»), больного он называет «пациентом». Зубной врач не скажет «вырвать зуб», а — «удалить зуб», не «дупло», а «кариозная полость».

То же самое мы наблюдаем у сапожника. Обратите внимание на все названия сортов кожи, названия частей обуви,—не всякому другому человеку они понятны; понятны они только людям, работающим в той отрасли производства. То, что называем просто «кожей» — сапожник назовет «товаром». Или, например, названия кожи — «чепрак», «полы», «вороток», названия частей подошвы— «пучка», «перемя», названия инструментов — «форштик», «растычка», «липка», «шпандырь», «пучкенька», понятны ли они несапожнику?

Язык педагога насыщен словами, связанными с его деятельностью: «учебный план», «Дальтон-план», «метод проектов» «комплекс», «успеваемость», «второгодничество», «тест», «учет» и др.

Язык столяра наполнен целым рядом слов, обозначающих его инструменты, предметы его производства. Где мы скажем «отпилить», столяр скажет «отрезать», мы скажем «прибить», а он скажет «пришить».

Трудно представить себе то многообразие специальных терминов, которое существует в современном обществе... Кто кроме дантиста (зубного врача) знает, что значит: «бикуспидат», «шпадель», «крампон», «штопфер»? Кому кроме печатника понятны: «реглет», «бабашка», «гранка», «шпация»?

Что такое в языке электротехника: «голофон», «ом», «ампер», «реостат», «шунт»?

В языке рабочего-металлиста: «резев», «суппорт», «шайба», «шурцы» и «ножевка»?

В языке угольщика: «ординарка», «двухрядка», «охлапник», «патья», «ушко»?

Различия профессиональных терминов усиливаются благодаря тому, что в слове каждой группы отражается особое внимание к наиболее важным в процессе ее работы явлениям и предметам.

Итак: 1) язык каждой профессиональной группы насыщен словами, обозначающими названия орудий производства; 2) он насыщен словами, означающими производственные процессы этой профессии; 3) обычные слова, связанные с профессией, заменяют другими (например вместо «прибить» — «пришить»); 4) обычные слова в профессиональном языке приобретают особое значение: «пришить», «форма».

Блатный язык (жаргон).

Нужно отметить одно крайне отрицательное явление в языке— это употребление нашей молодежью слов, которые по своему социальному происхождению недоброкачественные и по звучанию неприемлемы. Это так называемый «жаргон». Жаргон — это тайный

воровской язык, язык отдельных групп люмпенпролетариата, проституток, нищих, воров, разбойников. И среди нашей молодежи распространилась мода употреблять такие слова, как «шамать», «маруха», «шмоняться», «тырить», «баланда», «шкеры» и др. Ошибочно молодежь полагает, что все эти слова «пролетарские», на самом же деле они взяты из воровского тайного языка, созданного преступной средой. Они портят язык, засоряют его. Ведь они не вносят ничего нового, выразительного, а только отражают интересы и настроения социально-вредной среды. В язык рабочего, красноармейца они попали частью в результате тяжелого рабского положения трудящихся до революции, частью в эпоху гражданской войны. Употребление таких слов совершенно не нужно пролетарскому молодняку, активному участнику в строительстве новой культуры вообще и речевой, языковой, в особенности.

Обогащать язык словами, связанными с темной и социально-неприемлемой средой, вернее—засорять этими словами язык, не соответствует задачам соцстроительства (см. слова Ленина на стр. 37). Бороться с таким засорением пролетарской речи — важнейшая задача на культурном фронте.

Говоры местные (провинциальные).

Остается сказать еще об одной особенности русского языка в целом. До сих пор мы говорили о литературном языке как языке господствующего класса. Отметили также и то окружение, в котором находится этот литературный язык (говоры других классов, профессиональная терминология, жаргон деклассированных элементов).

Одновременно, параллельно с литературным языком, продолжают существовать местные говоры, так называемые «провинциальные». Их социальная сущность в том, что они — говоры пережиточных формаций, той общественной формации, которая называется феодализмом, феодализм же—это тот этап общественного развития, когда существовали лишь два основных класса—землевладельцы и крестьяне.

Феодальное общество,—пишет Л. Якубинский в статье о классовом составе современного русского языка, — распалось на ряд языковых районов, соответствующих феодальным поместьям... В феодальном обществе крестьяне в разных районах говорили по-разному,—и внутри района вырабатывались общие черты языка». Поэтому мы теперь видим, что крестьянство, живущее севернее или южнее Москвы и ее ближайших районов, говорит на языке, который и составом слов и по произношению слов, общих с московским, отличается от московского языка и вообще от литературного.

В Волгоде, Новгороде и Архангельске (и их районах) вместо нашего «ц» употребляется «ч» и наоборот — вместо «ч» — «ц», т. е. говорят: «руцка» («ручка»), «молоцко» («молочко») или полотенче», «улича», там же говорят «корова», т. е. отчетливо произносят «о» во всех слогах слова, также произносятся слова «молоко», «вода», т. е. все звуки, обозначенные здесь буквой «о», произносятся как «о». В Москве же эти слова произносятся иначе («вада», «карова»). Южнее Москвы, в Рязанском и Тульском районах, мы слы-

шим «идеть», «смотрють», тогда как в Москве и ее окрестностях говорят: «идет», «смотрют». Кроме того в Москве и ее районах говорят «рика» («река»), а в Рязани говорят ««ряка». Мы говорим «питух» («петух»), в Рязани — «пятух». Про жителей Рязани и про особенности их произношения сложена «дразнилка»: «У них в Рязани грибы с глазами — их ядять, а они глядять».

В Вологде, в Архангельске, в Орле, в Туле, в Сибири мы можем встретить слова, которые жителям Москвы или жителям другого района даже непонятны. Так например в повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» (изображающей борьбу сибирских партизан с Колчаком) находится такое место [1]:

«У **пришиби** яра **бомы** прервали дорогу и у **утесу** был приделан висячий, балконом, плетеный мост. **Матера** рвались на бом, а ниже в камнях билась, как в падучей, белая пена **стрежи** потока».

Выделенные слова — слова сибирские: «пришибь» — подножие яра, крутой скалистый берег; «бомы» — камни, преграждающие течение потока; «матера» — главная сила струи потока; «стрежи» — сильнейшие струи матеры.

Такое отличие языка различных групп, преимущественно крестьянства, принадлежащих к одному языковому об'единению, называется диалектом, или говором; таким образом мы указали севернорусский говор (диалект), южнорусский диалект, сибирский диалект. Эти диалекты, или говоры,—территориальные. Кроме указанных различий (профессиональных и территориальных) в языке, в том числе и крестьянском, можно вскрыть и классовую его диференциацию (различие).

Так язык кулака и язык батрака в целом ряде слов значительно разнятся друг от друга. Кулак, близко стоящий, с одной стороны, к эксплоататорским элементам (в былое время к нэпману, спекулянту), с другой — к попам, враждебно настроенный к коллективизации, говорит языком, в котором много слов и коммерческого содержания («процент», «барыш») и церковного обихода («господи», «батюшки», «причт», «церковный староста») и т. п.; язык его дышит ненавистью к революции: «разделюция» (вместо «революция»), «лодыри», «куманек» (вместо «коммунист»). Батрак, крестьянский работник, в своем языке стоит ближе к советской деревне, к колхозу: «совет», «революция», «трактор», «коллектив» и т. п.

Каким должен быть литературный язык.

Если до Октября литературным языком был язык помещиков и буржуазии, язык, далекий от языка масс, то, когда ведущая роль перешла к пролетариату, литературный язык сближается с устной речью трудящихся масс.

«Если до революции старались говорить так, как писали, то теперь наоборот, лучшим образцом письменной речи считается такая, которая приближается к устному, разговорному языку. Буржуазия, перекочевавшая окончательно после 1905 г. в лагерь контрреволюции, боялась всего революционного, идущего вперед. Она старалась окопаться на старых общественных позициях, находивших себе отражение в закостеневшем письменном языке, старалась за-

[1] Пример и объяснение слов заимствованы из книги Бродского и Якубович, Русский язык.

гнать живой поток устной речи в окаменелое русло письменно-литературного стандарта. Пролетариат же, заинтересованный в ускорении исторического процесса, естественно ставит иную, диаметрально противоположную, стилевую задачу: сломить омертвевшие нормы традиционной письменной речи, сблизить ее с победоносно идущим вперед процессом живого диалектического речетворчества» (Г. К. Данилов). Это значит вместе с тем, что литературный язык, употребляемый как в письменной, так и в устной речи, должен прежде всего преследовать цель понятности, выразительности и удобопроизносимости для всех трудящихся. Только тогда он выполнит свое основное назначение — быть орудием социального общения и классовой борьбы. Ведь, если мы начнем говорить в аудитории, состоящей из представителей разных профессий, языком какой-либо одной профессии, наша речь будет понятна только одной группе и непонятна остальным. То же, если мы будем пользоваться в своей речи диалектом сибирским, то, конечно, сибирякам это будет понятно, а остальным — нет. Если же мы в том и другом случае будем пользоваться языком литературным, тогда всем будет ясно и понятно, о чем мы говорим. Иначе говоря, в своей письменной и особенно в устной речи мы должны:

1. Говорить языком наиболее передового класса.

2. Ни в коем случае ни в письменной, ни в устной речи, особенно в общественных выступлениях, не употреблять жаргонных слов и выражений (блатного языка).

3. Избегать употребления узко-профессиональных слов, слов, понятных только представителям одной профессии. Во всяком случае давать им точное объяснение, что удлинит речь. Конечно, если доклад или письменное сообщение обращены к представителям этой профессии — это вполне допустимо и незибежно, но тогда нужно употреблять их точно и там, где нужно.

4. Избегать употребления слов и выражений, свойственных отдельным районам и областям. Эти слова и выражения, территориальные диалекты, иначе называются еще «провинциальными».

5. Избегать ненужного, излишнего употребления иностранных слов, когда их возможно заменить русскими (об этом говорилось в беседе четвертой и будем говорить ниже).

Только при соблюдении этих основных условий всякий общественный работник, пользуясь языком как орудием в борьбе за соцстроительство и новый быт, может достичь тех результатов, каких от него ждут партия и рабочий класс. Иногда, однако, в устных выступлениях перед специфической аудиторией, например перед крестьянством определенной местности, можно пользоваться и местным говором.

Язык деловой речи и художественного произведения.

Деловая речь — научного сочинения, политического доклада, распоряжения, декрета, отчета и т. п. — пользуется исключительно литературным языком с соблюдением тех указаний, которые были даны выше. Вы не встретите в сочинениях указанного вида провинциализмов (слов территриального диалекта) [1]. Никогда в этих видах сочинений вы не встретите жаргонных слов.

[1] Конечно в книгах технического содержания эти слова законны и нужны

Вместе с тем язык деловой речи большей частью насыщен профессиональными словами и выражениями. Язык деловой речи— это научно-терминированная речь, т. е. она больше, чем другая, насыщена специальными техническими и политическими словами. Это ее особенность. Однако пользоваться этой особенностью нужно осторожно.

Другое дело—художественное произведение, т. е. рассказ, повесть, пьеса, стихи. В этих произведениях встречаются (и очень часто бывают) выражения провинциальные и профессиональные. Но делается это только в тех случаях, когда дается картина, жизнь, быт того или другого класса, той или другой профессиональной группы.

При изображении жизни и быта какой-либо области, характерной своим языком (а язык есть выражение и отражение жизни с ее классовой борьбой), использование особенностей этого языка, внесение его в речь действующих лиц является даже художественным достоинством.

Употребление даже жаргонных слов, если они употребляются не автором, а приводятся им в речи действующих лиц, бывает также необходимо для лучшей и более яркой обрисовки социально-классового лица героя.

Но то, что допустимо и даже иной раз необходимо в художественной речи, неприемлемо в деловой.

Газетная статья. Доклад. Очерк.

Работнику политпросвета в своей деятельности приходится пользоваться и деловой и художественной речью. Деловая речь политпросветработника — это чаще всего доклад в устной форме и работа в газете — печатной или еще чаще в стенной. Содержанием этой речи большею частью бывает: 1) раз'яснение слушателям или читателям текущего политического момента, раз'яснение происходящей очередной кампании; 2) раз'яснение декретов, постановлений и распоряжений правительства и партии; 3) пропаганда в различных ее видах — антирелигиозная, мопровская, осоавиахимовская и т. п.; 4) агитация.

Читателями политпросветработника чаще всего бывают малограмотные, а слушателями помимо того и неграмотные. Поэтому он особенно четко должен пользоваться тем литературным языком, основные свойства которого нами выяснены.

В газете — печатной или стенной — политпросветчику приходится выступать с художественной речью. Какая-нибудь небольшая заметка о прогульщиках, об ударниках, отстающих и т. п., короткое описание работы той или другой просветительной ячейки — это первое небольшое зернышко художественного произведения. Но и оно требует к себе внимательного отношения со стороны языка. Если подобная заметка разрастается в небольшой рассказ с целым рядом подробностей, с обрисовкой действующих лиц, то получается очерк. Очерк — это художественный рассказ небольшого размера о соцстроительстве, соцсоревновании и ударничестве, о достоинствах и недостатках работы и т. п.

Настаивая перед работниками политпросвета на необходимости пользоваться литературным языком в своей работе с массой, языком ведущего класса и передовой его части, мы говорили до сих пор преимущественно о словарном (лексическом) составе язы-

ка. Но не меньшее, если не большее, значение имеет умение строить свою речь четко и ясно, располагать слова своей речи так, чтобы они не создавал бессмыслицы, путаницы и иной раз двусмысленности. Политпросветработнику чаще всего приходится выступать перед массой с устной речью, учить таким же выступлениям других. Но его речь и речь тех, кого он готовит к роли активного участника общественной жизни, будет иметь общественную значимость и агитационную ценность только тогда, когда она выражена словами точно, ясно, четко.

А всегда ли мы в своей общественной работе, в постоянном обращении с массами следуем этим требованиям? Для работника политпросвета, агитатора и пропагандиста, направляющего свою мысль к массам, особенно важно выразить ее так, чтобы она доходила до массы, чтобы слушатели зажигались этой мыслью так, как нужно.

Что же мы видим на практике? Вот ряд образцов из выступлений политически выдержанных и классово-стойких ораторов, но малограмотных, не знающих законов ясности и понятности речи. Рядом мы даем указание недостатков этой речи и образец того, что хотел сказать оратор и как это следовало бы выразить.

Слова оратора	Недостатки его речи	Как могут эти слова быть поняты	Как следовало бы выразить мысль оратора
1. Как мы беднеющие советская власть хочет улучшить наше хозяйство и которое мы должны вступать в колхоз для общей коллективизации и уничтожения кулака.	1. Неправильная расстановка слов и их соединение. 2. Неудачный выбор их.	Понять можно с трудом.	Так как советская власть хочет улучшить положение бедняков, уничтожить кулаков, мы, как бедняки, должны вступать в колхоз для скорейшего осуществления общей коллективизации.
2. Ликвидируя пролетариат кулачество как буржуазия и капиталисты поднимают в защиту его свою кампанию лжи.	Неправильное построение фразы и расположение слов.	Можно понять, что кулачеством ликвидируется пролетариат.	Так как пролетариат ликвидирует кулачество как класс, то буржуазия и капиталисты поднимают в защиту кулачества кампанию лжи.
3. Советская власть и диктатура пролетариата ненавистна буржуазии которая отняла власть у эксплоататоров и богачей для рабочих и крестьян.	Неправильная расстановка фраз.	Можно понять, что буржуазия отняла власть у богачей.	Буржуазии ненавистны советская власть и диктатура пролетариата, которые отняли власть у эксплоататоров и т. д.
4. Что касается лично меня, то со своей стороны держусь такого мнения относительно мер повышения производительности труда, что нужно бороться за уничтожение прогулов, что я и поддерживаю и соглашаюсь.	Ненужное многословие.		Я тоже поддерживаю предложение: для поднятия производительности труда нужно бороться с прогулами.

Из этих примеров мы видим, что: 1) речь бессвязная, 2) речь, изобилующая лишними словами, 3) речь с неправильной расстановкой слов и фраз слушателями, особенно малограмотными и неграмотными, может восприниматься туго, с затруднением, а иной раз и в искаженном смысле. В последнем случае опасность, конечно, увеличивается. Поэтому всякая речь, письменная и устная, требует к себе внимания со стороны того, кто ею пользуется в качестве орудия общения — агитации и пропаганды.

Речь должна быть прежде всего с в я з н о й: отдельные части речи между собой должны быть так спаяны, как звенья одной цепи. Нельзя давать простой набор слов, не имеющих значения, не помогающих уяснению мысли. Очень многие ораторы имеют свои любимые словечки, которые они употребляют чуть ли не после каждого слова («значит», «как сказано», «конечно», «следовательно» и т. п.). Оратор еще ничего не сказал, а употребляет «как сказано», ничего еще не сообщил, а начинает «значит, товарищи». Эти слова, когда они не имеют значения, нужно выбрасывать из свой речи. Они — балласт, ненужны и вредны. Далее: ораторы очень часто, говоря по тому или другому вопросу, перескакивают с одной мысли на другую; не закончив раз'яснения первой мысли, бросаются ко второй, от второй к третьей, затем возвращаются к первой, потом — опять к третьей, потом — ко второй. Эта непоследовательность создает путаницу. Слушатели не уясняют ни первой, ни второй, ни третьей и т. д. мысли. Это бывает не только в письменной речи. Так например, если говорить о значении всеобуча и о работе культармии в плане нашей пятилетки, то нужно говорить в следующем порядке: 1) о тех задачах, которые стоят перед рабочим классом и крестьянством в деле социалистической перестройки всего хозяйства; 2) о необходимости кадров для выполнения этих задач; 3) о необходимости иметь грамотных людей; 4) о развертывании школ; 5) о типах школ; 6) о привлечении в школы ликбеза неграмотных и малограмотных; 7) о значении учобы для них и для советского строительства и т. д. и т. д.

Возможен и другой порядок, другой план. Но план должен быть. Нельзя, не закончив изложения мыслей по вопросу о задачах рабочего класса в период строительства, перескакивать к вопросу о необходимости школ для выполнения этих задач, а затем говорить о необходимости кадров, а потом опять о задачах рабочего класса в период строительства. Отсутствие плана речи, отсутствие последовательности в изложении мыслей сильно вредят пониманию слушателей. Итак связность речи, последовательность мыслей, плановость изложения—важнейшие условия для плодотворного использования языка в общественной работе.

Выразительность речи.

Большую роль играет в устной речи ее выразительность. Чтобы речь, слова, выражающие мысль, были яснее и точнее поняты, нужно умело выделять в фразе те слова, которые особенно важны. Мы в своей обыденной даже речи, в обычной фразе, не все слова произносим с одинаковым ударением. Так, например, фразу «Сегодня товарища Мухина поместят на черной доске за пьянство» мы можем произнести различно, в зависимости от того, что именно

мы хотим указать: 1) «Сегодня лодыря Мухина поместят на черной доске за пьянство» (Мухина, а не Иванова, не Петрова). Выделяем слово «Мухина» (делаем ударение). 2) «Сегодня лодыря Мухина поместят на черной доске за пьянство» (за пьянство, а не за прогулы). Делаем ударение на слове «пьянство» и т. д. Отметьте еще возможные ударения. (Они называются логическими ударениями; логическими — значит по смыслу).

Правильное логическое ударение, как видно, в устной речи имеет большое значение. «Буржуазная печать постоянно клевещет на Советский Союз». Сколько оттенков мысли может быть в этой фразе? Что хочет подчеркнуть оратор в ней, может быть достигнуто логическим ударением на определенном слове («буржуазная печать» — а не рабочая, «постоянно» — а не случайно и т. д.). Характер произношения фразы с определенным логическим ударением называется интонацией. Эта интонация особенно ощутительна и имеет особенное значение в тех случаях, когда мы спрашиваем или восклицаем в вопросительных и восклицательных фразах; на письме это обозначается или знаком восклицательным (!) или вопросительным (?). В этих случаях, помимо логического ударения (выделения слова), играет большую роль повышение или понижение голоса в фразе. Фразу мы можем произнести спокойно, с понижением голоса в конце ее. «Ваше село выполнит все задания по посевной кампании». Это — спокойная, повествовательная фраза. Или мы можем при произнесении этой фразы на одном из слов и в конце фразы делать повышение голоса. (На одном слове, в зависимости от того. какое слово мы хотим выделить по смыслу, логически.) Это мы делаем тогда, когда спрашиваем: «Ваше село выполнит все задания по посевной компании?» или: «Ваше село выполнит все задания по посевной кампании?»

Укажите еще возможные случаи логического ударения в этой фразе.

Наконец восклицательная интонация. Она чаще всего употребляется в лозунгах и воззваниях: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «В ответ на вредительство выполним пятилетку в четыре года!», «Да здравствует XV с'езд советов!».

Правильное логическое ударение, в частности интонация в целом, является одним из важнеших условий ясности и выразительности речи.

Работникам политпросвета, культармейцам, избачам, библиотекарям и др. часто приходится выступать с докладами, быть ораторами по вопросам текущего политического момента, по вопросам различных кампаний. Здесь уместно указать и на некоторые особенности ораторской речи, которые применяются для большей выразительности, ясности, для большего воздействия на слушателей. Из них наиболее простыми, но у лучших ораторов чаще употребительными являются следующие (эти приемы употребляются также и в письменной речи):

1. Ирония (легкая, но язвительная насмешка): «Когда вы читаете буржуазные сообщения о рабском труде в СССР, вы вполне справедливо возмущаетесь тем, что здесь у нас, в СССР, рабочие работают семь часов вместо 10—11 на Западе, что они пользуются большими преимуществами в культурной, политической и произ-

водственной жизни, чем их товарищи на Западе. Вы вполне справедливо завидуете положению безработных в капиталистических странах, которым предоставлена полная свобода существования, которые даже получают иногда пособие от государства в размере целых шести копеек в день!»

2. Вопрос, на который сейчас же самим оратором дается ответ: «На какие возможности опирался ЦК, повышая темпы строительства и сокращая сроки исполнения пятилетнего плана? На резервы, скрытые в недрах нашего строя» (из речи Сталина на XVI партс'езде).

3. Вопрос, на который не требуется ответа, так как он ясен (он называется «риторическим вопросом»). Так например в английской газете по поводу «рабского труда в СССР» автор одного письма после описания ужасов польского террора в польской Украине задает ряд риторических вопросов английской общественности:

«Протестовала ли палата лордов против этих ужасов? Почему не протестовала? В палате лордов вы говорили об опасности русского труда, снижающего жизненный уровень вашей паствы в Дермеге? Знаете ли вы о том, что польский уголь, добываемый горняками, которые получают половину заработной платы английских горняков, более опасен Дергему, чем что-либо, приходящее из СССР? Или, быть может, вы теперь будет просить Гендерсона порвать отношения с Польшей?»

В конце письма говорится:

«Вы возражаете против рабского труда в России, но присмотримся ближе к тому, что делается у нас дома. Потратили ли вы когда-нибудь время на обследование условий, существующих в угольных шахтах в Дергеме и в деревне дергемских углекопов? Дошло ли когда-нибудь до вас, что у вас под носом горняки работают тяжело, как и заключенные на принудительных работах? Вы скажете, что они свободные, что они—не рабы. Да, они могут отказаться от своей работы в шахтах и... умереть с голода. Экономическая необходимость толкает их на работу, заставляет повысить продукцию, рискуя своей жизнью. Отметили ли вы, как взрыв за взрывом происходит в шахтах Великобритании, вследствие того, что не принимаются меры к охране рабочих, потому что стремятся получить наиболее дешевый уголь? Милорд, приходило ли вам когда-нибудь на ум, что раньше, чем выступать против рабского труда в России, вы должны выступить против рабского труда в Дергеме? Ваша церковь процветает на рабском труде, потому что церковь получает деньги от крупных шахтовладельцев, получающих крупный доход за счет низкооплачиваемых горняков. Свыше 300 тысяч фунтов стерлингов дают церкви шахты. 300 тысяч фунтов стерлингов добывается в результате рабской заработной платы, добывается потому, что подвергается опасности жизнь горняков. Подумали ли вы об этом, милорд?»

4. Противопоставление одной картины другой, одних фактов — другим.

У них, у капиталистов, экономический кризис и упадок производства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

У нас, в СССР, экономический подъем и рост производства во всех отраслях народного хозяйства.

У них, у капиталистов, ухудшение материального положения трудящихся, снижение заработной платы рабочих и рост безработицы.

У нас, в СССР, подъем материального положения трудящихся, повышение заработной платы рабочих и сокращение безработицы.

У них, у капиталистов, рост забастовок и демонстраций, ведущий к потере миллионов рабочих дней.

У нас, в СССР, отсутствие забастовок и рост трудового подъема рабочих и крестьян, дающий нашему строю миллионы добавочных рабочих дней.

У них, у капиталистов, обострение внутреннего положения и нарастание революционного движения рабочего класса против капиталистического режима.

У нас, в СССР, укрепление внутреннего положения и сплочение миллионных масс рабочего класса вокруг советской власти.

У них, у капиталистов, обострение национального вопроса и рост национально-освободительного движения в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, на Филиппинских островах и т. д., переходящий в национальную войну.

У нас, в СССР, укрепление основ национального братства, обеспеченный национальный мир и сплочение миллионных масс народов СССР вокруг советской власти.

У них, у капиталистов, растерянность и перспектива дальнейшего ухудшения положения.

У нас, в СССР, вера в свои силы и перспектива дальнейшего улучшения положения» (Сталин, Речь на XVI партсъезде).

5. Восклицание, которым подчеркивается особое значение высказываемой мысли.

«Культурный бюджет всех профсоюзов довольно высок: в 1928 г. он составлял 135 млн. руб., в 1930 г. он составляет уже 225 млн. руб. А как разассигновывался этот бюджет? На производственное просвещение — 632 тыс., на физкультуру — 16 млн. руб. Это называется лицом к производству! 16 млн. на физкультуру и 632 тыс. на производственное просвещение. На кино, спектакли и концерты — 42 млн., ликвидацию неграмотности — 1500 тыс.!

Так строило старое руководство свою работу «лицом к производству, лицом к массам»! И это называется защитой интересов рабочих! (Каганович, речь на XVI партсъезде).

6. Повторение одной и той же фразы для привлечения внимания к ней. Например, в речи т. Сталина на XVI партсъезде, когда он, говоря о продукции колхозов, приводил цифровые данные:

«О чем говорят эти цифры?»

Они говорят прежде всего о том, что валовая продукция зерновых в колхозах выросла за 3 года более, чем в 50 раз, а товарния к ней. Например в речи т. Сталина на XVI партсъезде, когда

Они говорят, во-вторых, о том, что мы имеем возможность получить в этом году от колхозов более половины всей товарной продукции зерна в стране.

Они говорят, в третьих, о том, что судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы.

Они говорят, в-четвертых, о том, что процесс ликвидации кулачества как класса идет у нас вперед на всех парах.

Они говорят, наконец, о том, что в стране уже произошли такие экономические сдвиги, которые дают полное основание утверждать, что нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне».

7. Градация (нарастание, усиление выразительности каждой следующей фразы по сравнению с предыдущей). Этим приемом очень любил пользоваться Ленин. Так, например, в статье «К деревенской бедноте» написанной в 1905 г., мы читаем: «Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции».

Стиль.

Оратор или писатель обычно пользуются в своей речи или сочинении определенной системой построения речи. Один говорит (или пишет) преимущественно простыми предложениями и сложными, которые состоят только из двух, самое большее из трех предложений. Другой оратор (или писатель) бывает в строении предложений весьма расточителен на сложные предложения. Очень часто мы можем слышать и читать такие сложные предложения, которые состоят из пяти-шести и даже семи предложений, входящих в состав этого сложного. Сравните построение предложений Пушкина в одном из его произведений («Капитанская дочка», «Дубровский») с построением предложений у Гоголя («Мертвые души») или Ляшко, Либединского, с одной стороны, и Л. Толстого — с другой («Война и мир»). Эта манера, эти приемы строить свою речь тем или другим родом предложений в связи с теми словами, которыми пользуется автор (или оратор), а также в связи с приемами выразительности, и называется стилем. Иначе говоря, под стилем нужно понимать следущие особенности речи: 1) характер построения предложений; 2) лексический (словарный) состав речи или произведения; 3) приемы выразительности (насколько часто употребляются те приемы, о которых говорилось выше).

Характер стиля писателя обусловлен характером той социальной группы, того класса, представителем и выразителем которых является данный писатель. Ведь стиль — это способ мышления, выраженного в словах. Здесь мы повторим опять слова Маркса о том, что «мысли господствующего класса являются в каждую данную эпоху господствующими мыслями». А это значит, что мышление в словесной форме, выражаясь в строе речи, отражается и на стиле. Поэтому можно говорить, что каждая социально-экономическая эпоха и каждый класс имеют свой стиль, и борьба классов отражается в борьбе стилей и что стиль становится оружием класса в его борьбе. Будучи организующей формой сознания, стиль, обусловленный в конечном счете диалектикой развития социально

экономической жизни, развивается диалектически: в развитии его можно проследить единство, противоположность, преодоление старого новым, отталкивание от старого и создание нового. Тов. Г. К. Данилов в одной из своих статей так характеризует речевой стиль современного рабочего: «Рабочие, особенно втянутые в государственный аппарат, прибегают к архаизмам [1], подчиняясь штампам деловой письменной речи господствовавших до революции классов. Таковы: «взыскать» (взыскать с ответчика), «гласить» (закон гласит), «дабы» (дабы получить освобождение), «по сему», но,—продолжает Данилов,—рабочий класс Советского Союза, критически усваивая язык класса-предшественника, тем самым срывает с него маски, снижает его... Приходит новый класс, и *традиционные слова начинают звучать* у него, да и других трудящихся, *по-новому*: «была психически *неполноценной*»; «кружок прекратил *функцию*»; «прошу выдать мне облигацию, которая так меня *интересует*»; «у ней *мечта* поступить в вуз». Следует отметить также решительность, *категоричность тона* у многих передовиков, которые сказываются в соответствующем подборе слов: «есть решения — *и кончено*»; «*категорически* заявляю»; «надо во *что бы то ни стало* покрыть недочет». Та же категоричность, решительность тона становится вообще присущей партийному, профессиональному и всякому другому активу. Употребление прилагательных на «айший», «ейший» является также чрезвычайно распространенным явлением у рабочих («величайшее событие», «напряженнейшая работа»), как отклик на глубочайшие сдвиги в массовой психологии и общественности нашей страны.

Характерной чертой рабочего быта является *простота, безыскусственность*. Рабочему нет смысла воздвигать между собой и социальным окружением стену буржуазных приличий, нет смысла строго следовать буржуазным нормам поведения. Наоборот, в интересах общения и производства он должен сломать эти нормы, в частности нормы речевой деятельности. Отсюда — известная *грубоватость*, частое употребление семантически сниженных слов: «все эти этапы *посадить* на календарь»; «заметка *засохла*»; «*слезем* с черной доски»; «это дело надо обмозговать».

Чрезвычайно типичными для жанра ораторской речи рабочих являются фигуры (приемы) *нарастания и повторения* (особенно последних слов и фраз). Эти ораторские приемы вызываются как важностью содержания речи, так и необходимостью выступать перед массовой аудиторией, внимание которой должно быть приковано к основному в речи: «вопрос *серьезный, болезненный*»; «полнейшая безучетица, *безответственность, затоваривание*»; «*никуда не годится*, товарищи, *никуда не годится*».

В области стилистического использования рабочими синтаксических конструкций следует остановиться на порядке слов. Известно, что в письменной русской речи имеются некоторые нормы расположения слов в фразе. Отступление от этих норм воспринимается как выразительный прием, инверсия (прилагательное после су-

[1] Архаизмы — старые, вышедшие из употребления слова.

ществительного, глагол в конце предложения и пр.). Устная речь интеллигенции в значительной мере свободна от этих норм. Еще большую свободу мы наблюдаем в устных жанрах деловой речи у рабочего, очевидно в целях облегчения коммунизации (общения со слушателями): «весь актив низовой собрать»; «надо тот темп свой изменить»; «поблажек не было, чтобы»; «проявил себя очень»; «это производство кабинетное» (из статьи Г. К. Данилова, Черты речевого стиля рабочего, журнал «Литература и марксизм», 1931 г., книга первая).

Стиль нашей эпохи. Лозунг. Плакат.

Наша эпоха — эпоха развернутого соцстроительства, ударных темпов — требует от каждого, кто имеет дело со словом, четкого, ясного, краткого выражения мысли. Мысль должна поспевать за темпами жизни. Слово должно выражать мысль быстро и сосредоточивать на ней внимание читающего и слушающего. Слово должно быть насыщено всем тем, чем живет наша эпоха: борьбой за пятилетку, за перестройку быта, за оборону страны. Эту задачу мы выполняем лозунгами и плакатами. Лозунги в сжатой, сгущенной форме выражают потребности текущего политического момента, очередной кампании. Они должны быть сформулированы с наибольшей краткостью: «В бой за политехнизацию школы!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Наш ответ врагам в мире — пять в четыре!», «Ни одного трудящегося, не участвующего в перевыборах!»

Плакат — лозунг большого размера. Обычно он кратко излагает программу сегодняшнего политического задания: поднятие продукции труда, борьба с прогулами, агитация за всеобуч, укрепление Красной армии и т. д.

Различие между лозунгом и плакатом такое: лозунг краток, употребляет только повелительную форму («Комсомол и пионерия! Деритесь за всеобуч!»), бывает в форме предложения без глагола («Долой интервентов, поджигателей войны!»), употребляет слова «да» и «пусть». («Да здравствует XV с'езд советов!». «Пусть крепнет и растет наша Красная армия!»). Лозунг не раз'ясняет, он или: 1) только приветствует («Да здравствует Коминтерн!»), или 2) призывает («Все под знамена Коминтерна!»), или 3) протестует («Долой безразличную детскую книжку!»), или 4) дает задания («Выполним пятилетку в 4 года!»).

Плакат же шире, он дает раз'яснение или, как говорят, мотивировку: указывает причины, следствие, дает об'яснение. Например: «Кадры, техническая подготовка масс, повышение квалификации и увеличение количества квалифицированных сил — это боевые задачи первостепенной важности. На их осуществление нужно бросить все силы». Из этого плаката можно сделать лозунг: «Все силы на подготовку кадров!» или: «К весеннему севу готовься заранее: в книге найдешь ты нужные знания». А лозунг на ту же тему: «Готовься к севу с книгой».

Плакат очень часто представляет собой выписку из статей и речей лучших вождей революции, которые высказались на данную тему. Кроме того различие между лозунгом и плакатом еще в том, что плакат воздействует графически своим оформлением, т. е. со-

провождается рисунком или печатается особым шрифтом, привлекающим внимание читателя.

Составьте сами и со своими учащимися ряд лозунгов к посевной кампании, к антирелигиозной кампании и к Первому мая. Используйте для этого или имеющиеся плакаты или выдержки из сочинений Ленина, Сталина и др., придав им характер лозунга.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ.

ЯЗЫК ПРОИЗНОСИМЫЙ (ЗВУЧАЩИЙ) И ЯЗЫК ПИСЬМЕННЫЙ.

До сих пор мы, говоря вообще об языке как явлении социальном, как о специфической идеологической надстройке, как об отражении и орудии классовой борьбы, подразумевали и тот язык, который мы слышим, которым мы пользуемся в наших устных выступлениях, обращениях к окружающим, с одной стороны, и тот язык, которым мы пользуемся в своей письменной речи, который мы видим напечатанным в книгах, газетных и письменных документах. Иначе говоря, мы не различали язык произносимый (который звучит и который слышим) от языка письменного (который мы видим обозначенным на бумаге определенными знаками). Но в беседе о происхождении языка мы говорили только о том, как возникла произносимая речь и более ранняя речь жестов. Как же произошла речь письменная? Одни ученые думают, что обозначение своих мыслей на бумаге в виде тех или других знаков возникло после звучащего языка. Письменный язык появился значительно позже и является результатом уже усложнившихся производственных и общественных отношений. Другие же ученые предполагают, что элементы письменности существовали и тогда еще, когда речь была не звуковой, а линейной, кинетической, т. е. до появления звуковой речи. Так или иначе потребность не только сообщить что-либо посредством жеста, звука и слова, но и запечатлеть это для памяти появилась у человека вскоре после того, как язык организовался в ту или иную, в довольно стройную систему (кинетическую или звуковую). Нужно было что-либо закрепить для себя, нужно было, в связи с ростом коллектива, закрепить для всех членов коллектива не на один момент, а на длительный срок, например знаки собственности общинной и родовой, позднее личной, знаки договоров между племенами и т. п. С усилением коллектива и развитием его связей с другими соседними коллективами возникла потребность передачи своих соображений, пожеланий, приказаний другому коллективу (в целом или отдельным его представителям) на расстояние. Одним словом, хозяйственно-экономический рост коллектива, превращение его из простой, несложной, замкнутой ячейки в более крупную общественную организацию вызвал потребность в создании письменности.

Краткие сведения о письменности первобытных народов.

Однако письменность в том виде, какая у нас, у современных народов, существует теперь, возникла не сразу. Она имеет очень длительную историю. Первобытные народы вначале закрепляли свои мысли путем узелков, надломов и нарезов на палках, на де-

реве, путем набора ракушек, разных предметов и пр. Число и расположение узелков и нарезов обозначали то несложное, что хотел запомнить первобытный человек. Это для себя. А для сношения с другими коллективами пользовались посылкой какого-либо предмета, обозначавшего то или иное чувство или отношение; так посланный кусочек соли означает дружбу, перец — ненависть. Такое письмо , такой способ сообщения посредством предметов называется предметным письмом.

Следующий момент в развитии письма — это картинное письмо. Оно заключается в том, что человек (речь идет, конечно, опять-таки о первобытном человеке) самым простым способом изображал виденное посредством рисунка: царапал заостренным камнем на камне, на засохшей глине и т. п. Ряд рисунков, поставленных рядом, обозначал какое-нибудь слово или целую фразу. Так начерченные рядом рисунки — лук со стрелой и зверь — обозначали «охоту», сосуд с водой — «прохладно» и др.

Такое письмо называется пиктографическим.

Из пиктографического письма развилось письмо идеографическое. Идеографическое письмо заключалось в том, что рисунок, обозначавший то или иное слово, постепенно упрощался, и получался уже не рисунок предмета, а лишь знак целого слова, ничего общего не имеющий с этим рисунком.

Так в древней месопотамской клинописи первоначально имелся рисунок ✳ на письме обозначавший слово «звезда», затем этот рисунок изменился в знак ▷▷†— или первоначальное китайское написание слова «дитя» 𝔖 изменилось в 子 .

Таким образом вторые знаки в обоих примерах — не рисуночное письмо (пиктография), а условное (идеография), требующее уже знания, что именно обозначает данный знак. Таким письмом являются все наши цифры 3, 4, 9 и т. п., а также математические знаки = (равно), + (прибавить). — (отнять) и др.

Из идеографического, из пиктографического письма развилось письмо буквенное. Некоторые слова, как сказано, обозначались рисунками предмета. Например слово «дом» изображалось семитами в виде рисунка ꟼ По-семитски «дом» – «бэт». Затем этот значок, рисуночек, уже стал обозначать не все слово «бэт» («дом»), а только его первый звук, т. е. «б», и знак ꟼ стал буквой, обозначающей звук «б». Так же произошли и другие буквы. Они являются обозначением первого звука, которым начиналось слово, называемое или обозначавшее тот или иной предмет.

Еще пример: Знак △ означает в еврейском письме букву «д».

Возникла эта буква из обозначения еврейского слова «далет» («дверь») рисунком палатки Δ входа в нее. Сначала этот рисунок обозначал все слово «далет» («дверь»), а затем только первый звук его — «д», т. е. стал буквой.

Таким образом дальнейшее развитие подобных знаков обозначало не слова, связанные с предметом, а только начальные звуки этих слов. Соединение этих знаков, уже букв вместе для обозначения не одного звука, а нескольких и создало современную письменность. Здесь нужно заметить, что у некоторых народов картинное письмо сохранилось и до настоящего времени. При этом рисунки постепенно изменились так, что стали мало похожими на то, что они раньше обозначали. Такое письмо, например, имеется сейчас у китайцев. Точнее: у китайцев раньше было пиктографическое картинное письмо, затем оно изменилось в идеографическое, и в настоящее время это письмо — идеография плюс письмо целых слов. Вот китайские знаки: 囚 «пленник» («человек в ограде»), 聞 — «слушать» («дверь и ухо»), 明 — «светлый» («солнце и месяц»).

Если переход картинного письма в буквенное дал возможность небольшим числом знаков обозначать самое разнобразное сочетание звуков (как у большинства письменных народов), то у китайцев в этом отношении дело значительно сложнее: значков столько, сколько слов, так как каждый значок означает целое слово. И мало-мальски грамотный китаец должен знать не менее 3 тысяч значков, а образованному китайцу нужно усвоить до 40 тысяч их.

Письменные и бесписьменные языки в настоящее время.

В настоящее время большинство народов имеют письменность; однако есть целый ряд наций, которые обладают богатым языком и которые живут в окружении так называемых культурных наций, но которые до сих пор не имеют письменности на своем родном языке. У нас, в СССР, до Октябрьской революции, т. е. в царской России, такими бесписьменными нациями являлись чукчи, корелы, самоеды и др. Если прибавить сюда народы, имевшие почти исключительно так называемую «миссионерскую письменность» (якуты, чуваши, вотяки, коми и др.), то число их значительно возрастет.

В Европе и ее колониях также имеются целые нации, которые не знают письменности. А вместе с тем эти нации имели и имеют большое значение в экономической жизни той страны, в которой они находятся. Политически же и общественно эти бесписьменные нации в буржуазных и в капиталистических странах считаются «некультурными», а потому угнетают и эксплоатируются. Правительства капиталистических государств, кичащиеся своей цивилизацией и культурой, нисколько не обеспокоены тем, что в составе этих

государств имеются нации, лишенные такого мощного орудия общения как письменность. Мер к ликвидации этой бесписьменности не принимается. Правда, были исторические факты и сейчас имеются, что среди бесписьменных народов насаждалась «культура», прививалась им письменность. Но и то и другое, во-первых, проводилось без учета национальных особенностей народа, во-вторых, подносилось в форме религиозного миссионерства: сначала шел поп с крестом, обращавший местное население силой в христианство, приносивший с собой чуждое народу и ненужное ему евангелие и церковную службу; за ним шла вооруженная экспедиция, железом и кровью укреплявшая новую «культуру». А попы убеждали колониальные народы «с кротостью воздавать кесарево кесарю», т. е. идеологически связывали их. Цели такого миссионерства и насаждения культуры отнюдь не интересы «просвещаемой» нации, а исключительно — колонизаторские. Развивающийся капитализм, которому было тесно в своих рамках, искал новых территорий и новых рабов. В поисках того и другого посылал он своих верных слуг, религиозных миссионеров. «Окультуренные», обращенные в христианство народы, попав в лапы капиталистов, еще более угнетались и эксплоатировались.

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СОЗДАНИИ ПИСЬМЕННОСТИ У БЕСПИСЬМЕННЫХ НАРОДОВ В СВЯЗИ С ЕЕ ОБЩЕЙ НАЦПОЛИТИКОЙ.

Политика советской власти в национальном вопросе направлена на поднятие и развитие ранее угнетенных царским правительством наций как в хозяйственно-экономическом отношении, так и в культурном. При этом советская власть стремится, говоря словами т. Сталина, создать в нацреспубликах культуру, «национальную по форме и социалистическую по содержанию». Царское правительство, как правительство помещиков и капиталистов, всеми силами и средствами подавляло язык подвластных, силой оружия покоренных народов. Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результатом такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а советская власть провозглашена народными массами, и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на их родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир.

туркменов, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения [1].

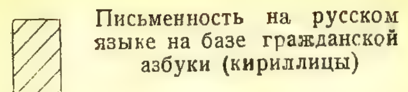
«Царское правительство искусственно подавляло языки подвластных народов,—пишет т. Н. Попов.—В результате его политики многие народы, населявшие Россию, перешли к революции, даже не имея своей письменности. Советская власть проделала огромную работу в этом отношении. Только при советской власти появилась письменность у таких народов, как вотяки, марийцы, мордва, горские кавказские народы. Но и тем народам, у которых была письменность, царское правительство не давало возможности развивать ее».

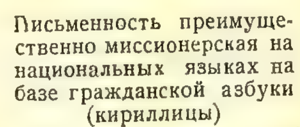
Обратите внимание на прилагаемые карты: первая из них показывает письменность народов в царской России до Октября, вторая— письменность народов СССР после Октября.

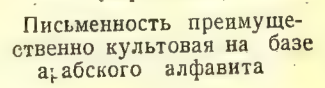
Надо обратить внимание на то, что советская власть, создавая письменность у бесписьменных народов, преследует цели не великодержавные, не навязывает свою систему письма (русский или какой-либо другой алфавит СССР), а предоставляет каждому народу выбирать тот алфавит, который он считает наиболее подходящим. Передовые слои трудящихся большинства восточных народов СССР предпочли отказаться от своих вычурных и труднозапоминаемых феодальных алфавитов (арабский, монгольский) и перейти на латинский алфавит, унифицированный для всех народов СССР. Почему? Потому что: 1) единый алфавит, каким является латинизированный,—легче по своей простоте и четкости для усвоения грамотности и письма; 2) он содействует культурному, экономическому и политическому об'единению трудящихся различных национальностей; 3) массовое машинное производство (отливка) шрифта латинизированного алфавита легче и быстрее, и это, конечно, облегчает и производство книг на языках разных национальностей; 4) вычурность и сложность арабских, монгольских и др. существующих алфавитов делают усвоение письменности и грамотности привилегией обеспеченных и зажиточных классов, имеющих возможность уделять время и силы их изучению. Латинский алфавит является наиболее, в силу своего удобства и четкости, распространенным в мире. Им пользуются языки всех европейских стран (французский, английский, итальянский и др.; немецкий язык тоже перешел на этот алфавит), на этот алфавит перешел и турецкий язык, перешли некоторые языки Востока. Таким образом латинский алфавит является международным, интернациональным, он облегчает нам связь с международным пролетариатом, и советская власть, создавая письменность у бесписьменных народов, тем самым приобщает эти народы ко всем достижениям техники и пролетарской международной культуры. Политика советской власти в этом отношении, как и во всех других, является интернациональной.

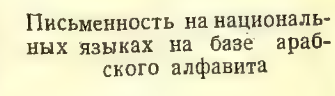

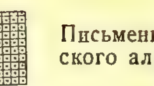
[1] Из постановлений X с'езда ВКП(б).

Письменность на русском языке на базе гражданской азбуки (кириллицы)

Письменность преимущественно миссионерская на национальных языках на базе гражданской азбуки (кириллицы)

Письменность преимущественно культовая на базе арабского алфавита

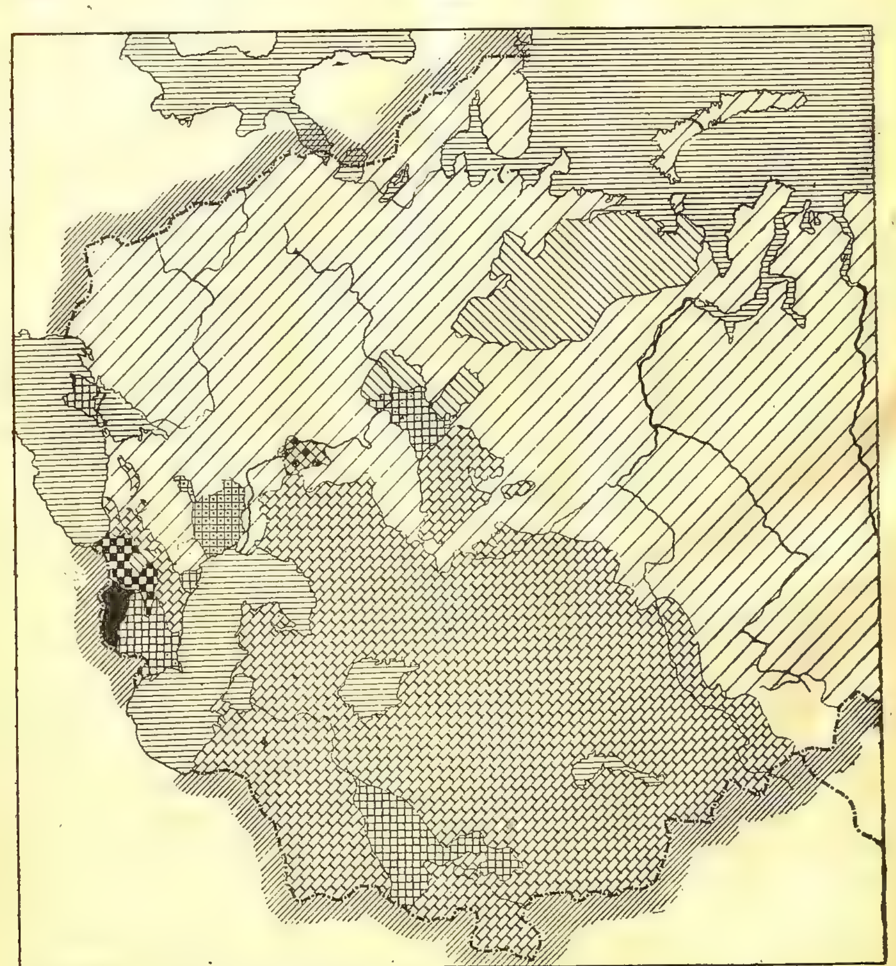

Письменность на национальных языках на базе арабского алфавита

Письменность на базе монгольского алфавита (преимущественно—культовая)

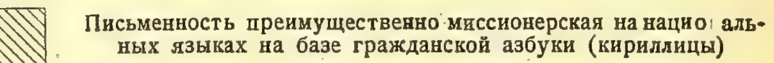

Письменность на зарубежных литературных языках на базе латинского алфавита.

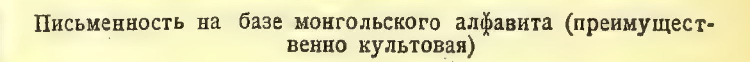

Письменность на базе грузинского алфавита

Письменность на базе армянского алфавита

Письменность на русском языке на базе гражданской азбуки (кириллицы)

Письменность преимущественно миссионерская на национальных языках на базе гражданской азбуки (кириллицы)

Письменность на базе монгольского алфавита (преимущественно культовая)

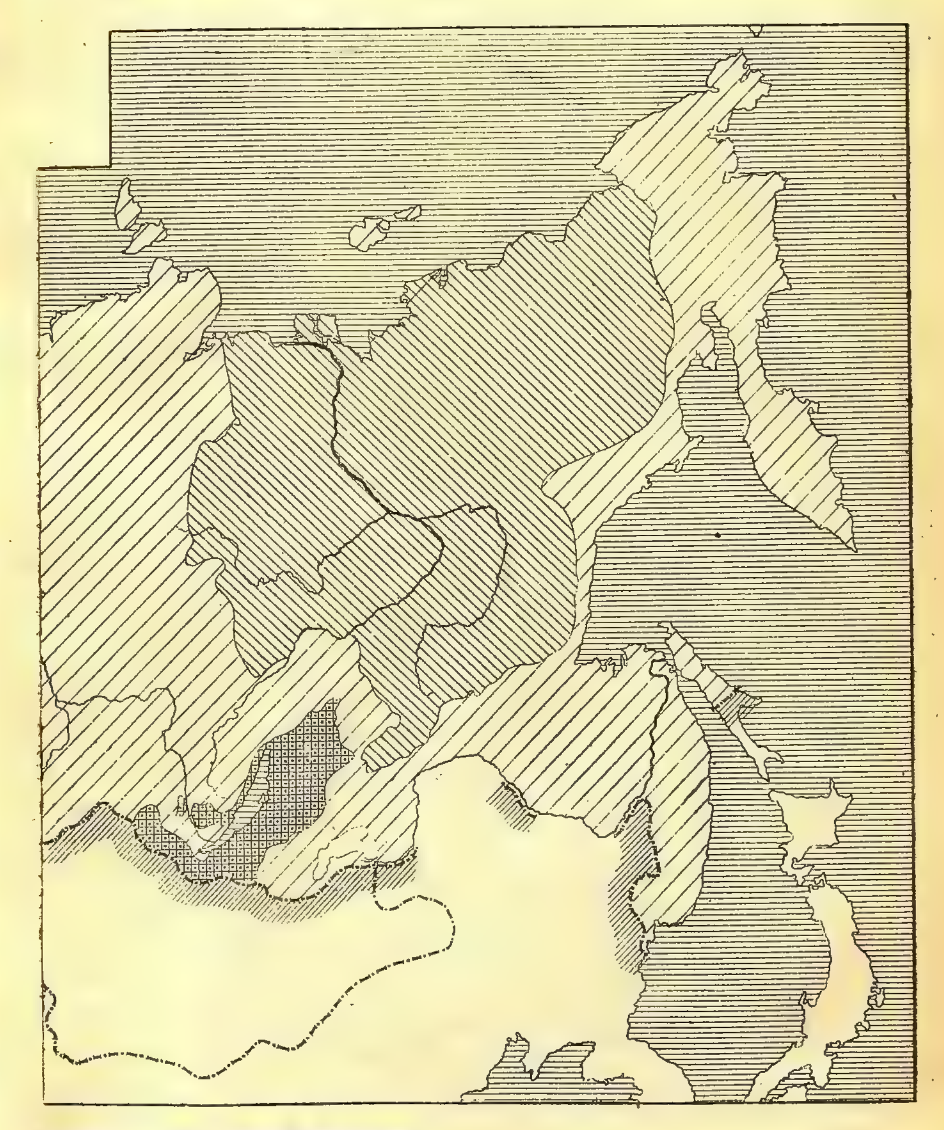

Схема распространения письменности в Российской империи.

Письменность на национальных языках на базе кириллицы

на украинском

на белорусском

на русском, удмуртском, мордовском и др.

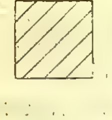
на национальных языках на базе латинского алфавита

на базе армянского алфавита

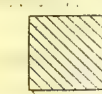
на базе грузинского алфавита

Письменность на зарубежных литературных языках на базе латинского алфавита

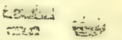

на национальных языках (на базе кириллицы)

на национальных языках (на базе латинского алфавита)

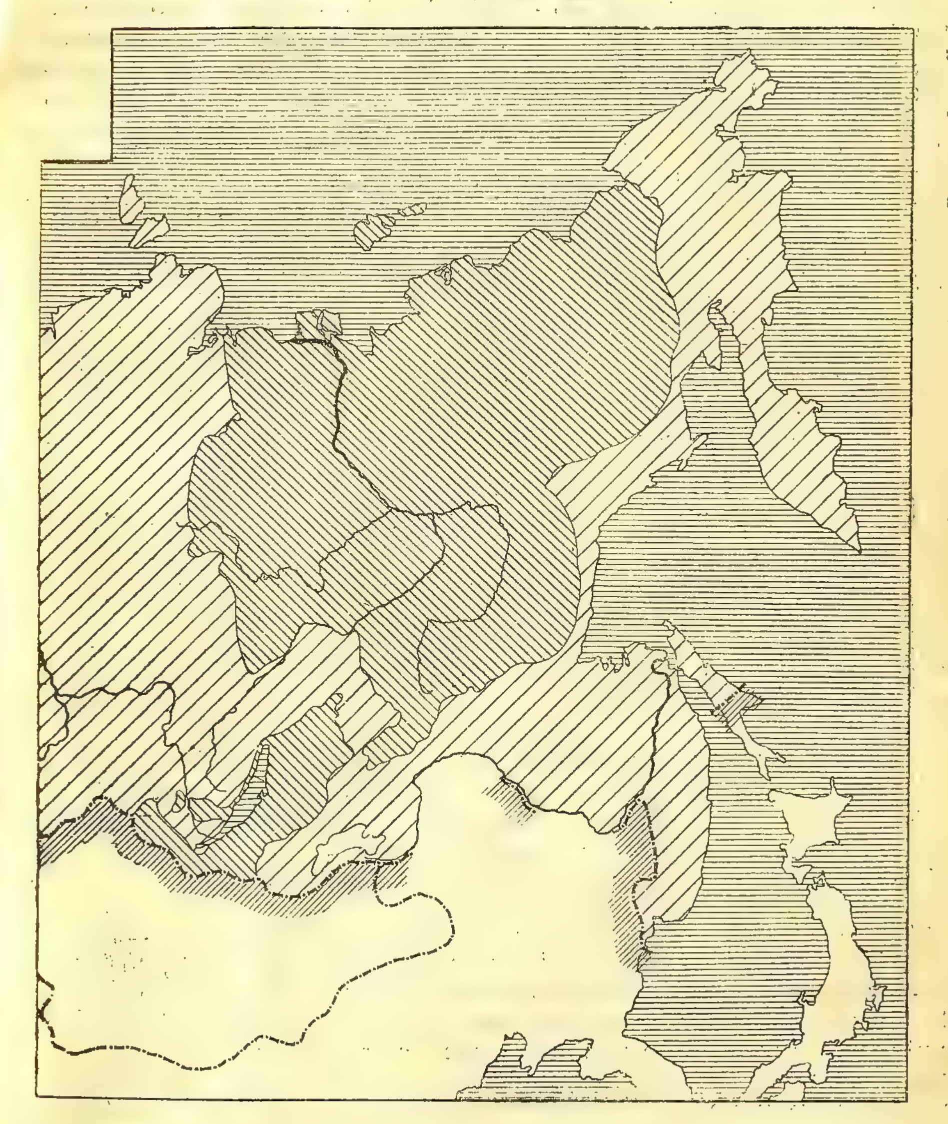

Схема распространения письменности в СССР

ЗНАЧАЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕЧИ. СЛОВО. МОРФЕМА. ФОНЕМА.

Язык, т. е. человеческая речь, состоит из слов. Слово же — это звук или сочетание нескольких звуков, имеющих значение. Только такой звук или такое сочетание звуков мы можем назвать словом, которое что-либо сообщает другому, говорящему на том же языке. Так, например, сочетание звуков «завод» есть слово, потому что это сочетание, произносим ли мы его или слышим, сообщает нам об определенном предмете. Сочетание тех же звуков в другом порядке, например — «довза», не будет словом, потому, что слышащему это сочетание ничего не сообщает. Возьмем один звук «и». Отдельно он ничего не сообщает и как будто не имеет значения. Но в связи с другими словами этот звук имеет громадное значение, определяя в иных случаях смысл фразы; например: «У брата моего и отца имеются облигации займа пятилетки». Опустим этот звук «и» — получим: «У брата моего отца имеются облигации» и т. д. Смысл уже другой: не у двоих облигации, а у одного, т. е. у дяди. Значит звук «и» что-то сообщает в речи, и потому «и» — слово.

Кроме того что в языке имеют значение целые слова, значение также могут иметь и части слов и отдельные звуки, входящие в состав слова. Возьмем слова «читаем» и «помогаем». У обоих слов есть: 1) значимая часть, показывающая, что это делаем, (считаем, помогаем) именно мы, выражена частью «ем» (ср. «читают», «помогают»); 2) значимая часть, показывающая, что в одном случае мы заняты чтением, в другом помощью кому то (ср. значимые части слов также в словах: «белый», «белая», «белого», «белый», «красный», «черный», «стол»—«столик»; «дом»—«домик»; «столом»—«домом»). Эти значащие части слов называются м о р ф е м а м и. Теперь возьмем слова: «рад» и «раб». «стол»—«стул»; «выть» и «вить». В каждой паре слов замена одного звука другим сообщает слову совершенно иное значение. Таким образом не только «белый», в целом имеет значение, не только части слов (морфемы) создают значение слова, но и отдельные звуки вносят определенное значение в слово. Звуки, вносящие различие в значение слов, называются ф о н е м а м и.

Но з н а ч е н и е это неодинаковое у фонемы, морфемы и слова. Ф о н е м а сигнализирует, сама по себе ничего не сообщает за исключением случаев совпадения фонемы со словом, например: союз «и», предлоги «в», «у»). М о р ф е м а вносит изменение в значение слова, но сама по себе не сообщает. Т о л ь к о с л о в о (и сочетание слов) сообщает слушающему (часто не полно). И т о л ь к о п р е д л о ж е н и е дает законченное по смыслу сообщение.

Понимание ф о н е м и м о р ф е м языка имеет в речи большое практическое значение. При невнятном произношении нужной фонемы слушатель может неверно воспринять слово. Обратите внимание на шепелявое или картавое, а также гнусавое произношение. При обучении грамоте очень важно следить за точным восприятием и произношением учащимися фонем. Не меньшее, если не большее значение в нашей речи имеют морфемы, — ведь

они придают слову различные оттенки в смысле. Сравните: «белый» — «беловатый»; «побелить» — «почернить»; «завод» — отвод» — «приводить»; «приводить» — «приносить». Правильное понимание морфем (значимых элементов слов) необходимо для четкости и ясности выражаемой в словах мысли.

Слова состоят из звуков — фонем. Звуки же — фонемы — на письме обозначаются особыми значками, небольшими рисунками, которые называются буквами, или графемами. Разница между звуком и буквой в том, что звуки мы произносим и слышим, а буквы видим и пишем. В русском языке имеется 42 фонемы (звука), для обозначения которых пользуются 32 буквами (графемами).

Фонемы русского языка следующие:

1) Гласные: «а», «о», «у», «э», «и», «ы», «ъ».

Здесь «ъ»—условное обозначение фонемы после «м» в слове «молоко», после «н» в слове «рынок», после «п» в слове «паровоз» после «ж» в слове «ужас».

2) Твердые согласные: «б» («был»), «в» («выл»), «г» («город»), «л» («лег», «мел»), «н» («нес»), «п» («пил»), «р» («ряд», «корь»), «с» («корка), «л» («лак»), «м» («мал»), «н» («нос»), «п» («пыль»), «р» («рад», «корка»), «с» («сок», «все»), «т» («пустой», «пуст», «смят»), «ф» («фыркать»), «х» («вздох»).

3) Мягкие согласные: «б» («бил»), «в» («вил»), «г» («гиря»), «д» («дядя»), «з» («зима»), «к» («кет») — ср. английское имя «Кэт», «л» («ляг», «мель»), «н» («нес»), «п» («пил»), «р» («ряд», «корь»), «с» («сек», «весь»), «т» («пусть», «смерть», «пусти»), «ф» («финки»), («Эсфирь»), «ч» («черный», «ночь»).

Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу.

Буквы же у нас следующие (в алфавитном порядке): Аа, Бб Фф, Хх, Цц, Шш, Щщ ъ (отличить от нашего условного знака з. о котором мы говорили выше), Ыы, Ьь, Ээ, Юю, Яя.

В своем письме, пользуясь в настоящее время этими 32 буквами, мы: 1) некоторые различные фонемы обозначаем одной и той же буквой (графемой): «выл» — «вил», «рад» — «ряд»; 2) некоторые фонемы в различных случаях обозначаем разными буквами (графемами): «а» в слове «рад» буквой «а»; «а» в слове «ряд» буквой «я»; «у» в слове «лук» буквой «у», в слове же «люк» эту же фонему — буквой «ю»[1]; 3) в некоторых случаях одна и та же буква у нас служит для обозначения разных фонем. «я» в слове «ряд» обозначит «а» после мягкого «р», в слове же «яма» эта буква обозначает два звука—короткое «й» плюс «а» («йа»); 4) для обозначения одной фонемы у нас совсем нет буквы, и мы обозначаем ее то буквой «а» («паровоз», «ужас»), то буквой «о» («молоко», «рынок); 5) употребляем некоторые буквы не для обозначения звуков, а лишь для обозначения характера их произношения, для отличия одной фонемы от другой; например «ь»: «кон» — «конь», «мел» — «мель».

Чем об'ясняется расхождение между числом фонем (звуков) и обозначающих их графем (букв), мы отчасти поймем, если хотя бы

---

[1] Что в слове «ряд» после мягкого «р» следует «а», в слове же «люк» после мягкого «л» следует «у», легко выяснить, продлив произношение этих слов на гласных звуках.

вкратце ознакомимся: 1) с происхождением русской системы письма (алфавита); 2) со свойствами живого, произносимого языка вообщее (со звуковыми изменениями); 3) с особенностями русского произносимого языка.

Происхождение русского алфавита.

Русское письмо, способ обозначать звуки (фонемы) буквами,—заимствованное. Вся сумма письменных знаков русского языка перенесена в русский язык в IX веке из письменности близкого, но все же не совпадающего с русским болгарского языка (при этом надо сказать, что болгарская система письма, как письмо всех южных славян, была создана на основе византийской греческой азбуки). В болгарской же (славянской) письменности были знаки (буквы), обозначавшие болгарские звуки, каких не было в русском языке, и вместе с тем не было знаков, обозначавших русские звуки, и эти-то звуки при создании русской письменности условно обозначались буквами болгарского алфавита. Так болгарские буквы Ѫ Ѧ, означавшие славянские носовые звуки «о», «э», в некоторых случаях перешли к нам для обозначения русских звуков «о», «у», «э» после согласных твердых и мягких (буквы «я», «ю» в словах такого типа, как «время», «пять», «путь», «кораблю»).

С другой стороны, перенесены буквы, обозначавшие звуки, не имевшиеся в русском языке, это ѕ тройные и двойные написания одних и тех же звуков — «и», «I», «V», «ѳ», «ф»; даже были два о — ω два «у»: у и оу и т. д. (в греческом и болгарском они обозначали разные звуки, в русском—один и тот же). Таким образом заимствование чужого алфавита с первых же моментов возникновения русского письма положило начало расхождению письменной речи с живой, произносимой. Об'яснение же этому в значительной мере нужно видеть в том, что письменность в русский язык была перенесена представителями господствующего класса, наиболее культурной прослойкой ее в то время — духовенством и князьями, в интересах торгово-экономического оживления, в целях укрепления торговых связей с Византией. Эти цели преследовались господствующими классами обеих стран, и ведущей из них была более культурная Византия. И так как верхушка господствующего класса была двуязычна, т. е. свободно владела и русским языком и языком той страны, откуда в основном заимствовалась система письма, то неувязка созданного на Руси письма с живым языком для представителей господствующего класса трудностей не представляла и нисколько их не озабочивала (между прочим такое расхождение письменного языка с произносимым наблюдается у всех народов, которые получают алфавит из чужой письменности). В дальнейшем это расхождение еще больше усиливалось вследствие наплыва в Русь того времени грамотных писцов из Византии и

южно-славянских земель на почве развития торгово-экономических связей с этими странами. Эти писцы вносили свои написания в русские слова. Все что привело к тому, что уже в начале XVIII века вынуждены были обстоятельствами политики, в интересах опять-таки хозяйственно-экономических, приступить к некоторому упрощению русского письма. В то время: 1) церковно-славянский шрифт, каким печатали до XVIII века, был заменен шрифтом латинизированным (гражданским); однако это проведено было не совсем удачно: наше «п» похоже на латинскую букву, обозначающую «н» («nota»—«нота»), наше «р» на букву, обозначающую латинскую букву «п» (« pater »—«патер») и другие промахи; 2) уничтожены двойные написания одного и того же звука «з», «у»—«оу»; 3) введено однообразное употребление букв «я», «ю», «е»—во всех случаях (и в начале слова вместо двойых звуков «йа»—йама»—яма»; «йу»—йубка»—«юбка»; «йэ»—«йэль»—«ель») и после мягких согласных—«ряд», «любовь», «день». И все же целый ряд моментов, влияющих на расхождение письменного языка с произносимым, остался и оставался долгое время вплоть до Октябрьской революции.

Фонетические (звуковые) изменения в языке.

Следующая причина расхождения современного русского живого языка с существующей системой письма заключается в том, что произношение звуков в течение длительного ряда лет (сотен и тысяч) подвергается изменению. Устный произносимый язык постоянно развивается, изменяется: утрачиваются некоторые звуки; изменяется характер произношения других, появляются новые звуки в языке. И это происходит не только с отдельными звуками, но и с частями слов: изменяются их склонение, спряжение и т. п. Процесс этот происходит очень медленно — для современников едва ощутимый, вернее совсем незаметный. Но за громадный период времени эти изменения накапливаются, и тогда обнаруживается это сильное изменение. Медленность процессов звуковых (фонетических) изменений в языке сравнивают с медленностью движения часовой стрелки: движение ее в течение 5—10 минут уловить нельзя, но через полчаса, а тем более через час-два сдвиг стрелки обнаруживается. Но в языке бывает не только медленная эволюция, наряду с ней бывает и революция, когда происходят резкие, крутые изменения.

Вот примеры фонетического (звукового) изменения в составе русского языка. В русском языке было когда-то два разных звука «е» и «ять», затем они слились в один, а знаки (буквы-графемы), их обозначавшие, еще сохранились даже до 1917 г. Были также в древнерусском языке звуки, обозначающиеся буквами «ъ» и «ь»—они также исчезали, а, как вы знаете, буква «ъ» сохранилась до Октябрьской революции, а «ь» сейчас существует только для обозначения мягкого произношения согласной и для разделительного произношения согласной от следующей гласной (о других случаях употребления «ь» скажем ниже).

Или еще: звук «г» в «ого» (в слове «бел**ого**» и др.) у нас звучит уже как «в» (говорим «белова»). Звуки «ж», «ц», «ш» (краткие) могли звучать раньше и твердо и мягко; в современном же языке они могут быть только твердыми.

Основные законы современного русского произносимого языка.

В живом произношении, в целых словах и фразе мы не всегда произносим звуки так, как они обозначаются на письме. Это об'ясняется некоторыми особенностями или законами русской речи. Эти законы следующие:

1. Если рядом встречаются два согласных звука, из которых первый — звонкий, а второй— глухой, то звонкий будет звучать, как соответствующей ему глухой. Поясним примером: «дуб был», в слове «дуб» звук «б» слышится ясно, как звонкий, но в сочетании «дуб спилен» звук «б», оказавшийся перед глухим «с», звучит уже, как «п», т. е. глухой звук того же образования, как и «б». Такое явление в науке называется уподоблением одного звука другому, т. е. звук звонкий уподобляется звуку глухому, становится тоже глухим.

2. Глухой согласный перед звонким согласным звучит, как соответствующий звонкий. Пример: «вот дом» (говорим — «вод дом»), «отдел» (говорим — «оддел»), «наш дом» (говорим — «наж дом»). Это тоже уподобление.

3. Звонкий согласный звук на конце фразы звучит, как соответствующий ему глухой: «вчера купили много роз» (говорим— «рос»); «в саду спилили дуб» (говорим— «дуп»).

4. Звук «о», произносимый, как «о», под ударением, при переходе в положение предударного слога переходит в звук «а»: «стол» —«стола» (говорим — «стала»), «воды» (говорим — «вады»).

5. Звуки «о» и «а» при переходе их в слове из ударного и предударного слога в слог второй от ударяемого переходят в особый короткий звук, средний между «а» и «ы»: «пар» — «паровоз» (говорим—«пыровоз»);—воды»—«водяной» (говорим—«выдяной»).

6. Звук «е», произносимый, как «е» только под ударением, при переходе в положение предударного слога переходит в звук «и»: «лень» — «ленивый» (говорим — «линивый»).

7. Звук «а» после мягких согласных (на письме «я») при переходе в положение предударного слога преходит в звук «и»: «пять» — «пятерка» (говорим — «питерка»), «ясный» — «яснеть» (говорим — «иснеть»).

8. Звуки «е», «я», «и» при переходе в положение слога второго по счету от ударяемого переходят в особый звук, средний между «е» и «и», например: «пятилетка» (говорим — «пе^{и}тилетка»), «тень» — «теневой» (говорим — те^{и}невой»).

Указанные законы живого произношения наряду с другими обстоятельствами вызывают расхождение между языком письменным и звучащим, т. е., как видели, говорим — «вада», пишем — «вода»; говорим — «питилетка», пишем — «пятилетка».

Итак, мы выяснили, что в русском живом звучащем языке есть особенности, которые изменяют характер звуков в зависимости от их положения в слове. Обозначать каждый раз изменение этих звуков, т. е. вместо буквы прежнего звука писать букву другого нового звука,—это значило бы затруднять письмо и чтение написанного.

Например: «его рот был туго завязан платком». Здесь «т» в слове «рот», оказавшееся перед звонким «б» («был»), звучит, как «д». И тогда пришлось бы написать: «его род был туго завязан

платком». Смысл, конечно, резко изменился. Еще: «около Москвы есть леса»—пришлось бы написать: «около Москвы есть лиса», и смысл опять-таки совсем другой.

Вообще же расхождение языка письменного и произносимого свойственно языку не только в этой области и не только русскому, а и очень многим языкам. Особенно сильно это расхождение заметно во французском и английском языках. Про английский язык в шутку говорят даже: чтобы прочитать верно по-английски, надо прочитать как угодно, только не так, как написано.

Расхождение между письмом и живым языком у нас об'ясняется еще следующим обстоятельством: современное русское письмо, или, как еще называют, правописание, орфография, построено на трех началах (принципах). Прежде всего, мы многие слова действительно пишем так, как мы их произносим: «дом», «стол», «брать», «курить», «строй». Это начало, или принцип, называемый фонетическим (звуковым). Второй принцип называется морфологичским. Он заключается в том, что мы пишем слова так, как они звучат в основной своей форме, т. е. если мы пишем «стол» (так же и говорим), то напишем и «стола», хотя после «т» у нас звучит «а» (т. е. говорим «стала»); если мы пишем «дело», т. е. после «д»—«е», то пишем и «дела», хотя после «д» произносим «и», т. е. говорим «дила», поэтому же пишем «деловой» (говорим — «диловой»).

Говорим: «у меня большое дела», а пишем — «у меня большое дело», потому что и другие слова среднего рода имеют на конце звук «о» — «одно», «стекло» («у меня большое окно, стекло»).

Третий принцип, который лежит в основе русского правописания, — это принцип исторический. Он заключается в том, что мы пишем слова так, как они писались раньше, давно, когда правописание их может быть было и фонетическим, т. е. их писали так, как произносили. Но с течением времени живой язык изменялся, признošение звуков изменялось, а писать продолжали по привычке по-старому. И эта старинная привычка сохранилась во многом до настоящего времени. Вот примеры исторического письма: «ходишь», «смотришь», «мышь», «рожь» и т. п. мы пишем с «ь» на конце. А ведь назначение этой буквы — смягчать согласную. В старом русском языке звуки «ш» и «ж» могли звучать и твердо и мягко. В современном же русском языке эти звуки произносятся только твердо: напишем или не напишем мы после них букву «ь» — все равно слово произносится одинаково: «мышь» — «мыш», «ходишь» — «ходиш», «рожь — «рож».

То же самое относится и к «ь» после «ч» и «щ».

Сейчас эта буква после «ж», «ш», «ч» и «щ» употребляется: 1) для обозначения слов женского рода, как употребляется она в словах «тень», «кость», «постель», «рожь», «мышь», «ночь», «помощь»; 2) в глаголах, когда они отвечают на вопрос: что делать— «беречь», «течь», «стеречь» (так же как «купить», «петь»). Этот «ь» сохраняется, если при глаголе находится частица «ся»— «беречься», «купаться», «обжечься»; 3) в глаголах, отвечающих на вопрос: что делаешь? (2-е лицо единствнного числа настоящего времени); «купаешь», «бежишь», сохраняется этот «ь» и в глаголах с частицей «ся» — «купаешься», «соревнуешься»; 4) в глаголах,

обозначающих приказание, просьбу: «плачь», «режь», потому, что в других глаголах, обозначающих также приказание и оканчивающихся на согласный звук, пишется «ь» — «стань», «сядь».

К этому же историческому привычному письму относится и обозначение двойных звуков: «йа», «йэ», «йу» буквами «я» «е», «ю» в начале слова и после гласных или после разделительного знака «ь»; например: произносится «йама», а пишется: «яма», произносится «йэль» — пишем «ель», произносится «мойа», пишем — «моя», произносим «скамйа», пишем — «скамья».

Вопрос о сближении языка звучащего с языком письменным.

Расхождение живого языка с письменным — явление во многих отношениях понятное и отчасти допустимое. Почему? Прежде всего потому, что ведь не так легко сблизить письменный язык с живым, разговорным, там, где имеется несколько говоров, диалектов. Так в русском языке, как мы указывали выше, имеются, между прочим, говоры акающие и окающие (рязанский и вологодский говоры). Если бы население каждого из этих говоров писало бы так, как оно говорит, то это затруднило бы письменное общение между представителями отдельных говоров; например: москвичи писали бы «кАрова у рики», рязанцы: «кАрова у ряки», вологодцы: «корова у рики». Разумеется читать большой текст, написанный с живым произношением каждого говора, было бы затруднительно для представителя другого говора. Поэтому здесь приходится считаться с некоторой условностью существующего общего письма для тех или других говоров. Затем постоянное или даже только частое изменение системы письма применительно к живому языку данного отрезка времени повело бы к отрыву от прежней культуры: научившись читать по системе, соответствующей нашему сегодняшнему языку, мы не смогли бы, быть может, читать то, что написано по системе, соответствующей языку Пушкина. Если этого сейчас нет, то это может случиться в дальнейшем. Поэтому частое и резкое изменение системы письма может повлечь к разрыву с прежней культурой и нарушить преемственность между прошлым, настоящим и будущим. Такое возражение, между прочим, выдвигается некоторыми противниками сближения языка звучащего с языком письменным.

Однако упорное стремление сохранить старые, явно отжившие, ненужные приемы письма в капиталистическом обществе чаще всего связано с тем, что письмо, как и вся культура, является привилегией преимущественно господствующих классов. Господствующие классы, зажиточные и состоятельные слои населения, имеют и время и возможность усвоить трудности, связанные с расхождением письма и устной речи. Предоставление же такой возможности трудящимся эксплоатируемым массам — не в интересах буржуазии, ибо всякое повышение культурного уровня угнетаемых ведет их к осознанию своего положения и пробуждает к борьбе. Этим в значительной мере об'ясняются то упорство, с каким царское правительство тормозило проведение реформы орфографии, та борьба его против отмены разных «Ѣ» и «і» и прочих отживших ненужностей в русском письме.

Следует отметить еще одно обстоятельство, об'ясняющее,

почему, в добавление ко всему сказанному, в капиталистическом обществе особенно цепко держатся за старую систему письма (например во Франции и Англии). Изменение системы письма влечет за собой громадные материальные расходы в типографском деле. Типографское же дело в капиталистических странах находится в руках крупных частных предпринимателей и приносит им громадные барыши, и эти барыши предприниматели-капиталисты подвергать риску не намерены.

Вопрос о реформе русского правописания до Октябрьской революции.

И у нас царское правительство, несмотря на неоднократно представляемые ему доклады о необходимости такой же реформы и проекты ее, тормозило это дело. Упрощение правописания, изгнание разных трудностей письма, неоправдываемых современным состоянием живого языка, упразднение ряда букв, ненужных, не обозначающих в современном языке никаких особых звуков, облегчило бы усвоение грамотности трудящимися — рабочими и крестьянами, ускорило бы продвижение культуры среди них, подняло бы их политическую и классовую сознательность. Трудящиеся массы легче бы научились читать — больше бы читали и писали. А это было не в интересах дворянско-помещичьей власти. Поэтому царское министерство народного просвещения не давало ходу проектам реформы правописания. Временное же правительство, приняв разработанный еще в 1901 г. проект, все же не решилось провести его немедленно в жизнь, как не решилось и не хотело проводить и другие социальные реформы (восьмичасовой рабочий день, конфискация земель у помещиков и передача их крестьянам).

Реформа орфографии, проведенная советской властью.

Только Октябрьская революция, поставившая на службу пролетариата и всех трудящихся масс всю культуру и ее завоевания, смело и решительно провела новую реформу русской орфографии. Проект, принятый Временным правительством, но не проведенный им в жизнь, был сразу утвержден и опубликован в качестве обязательного распоряжения. Эта реформа, хотя и не полная, все же значительно облегчила русское письмо. Сущность этой реформы в следующем:

1. Исключена буква «ѣ» с последовательной заменой ее через «е».
2. Исключена буква «ѳ» с заменой ее через «ф».
3. Исключена буква «ъ» в конце слов и частей сложных слов с сохранением ее в середине слова в значении отделительного знака.
4. Исключена буква «і» с заменой ее через «и».
5. Приставки «низ-», «воз-», «раз-», «без-», «чрез-», «через-» перед глухими согласными пишутся с буквой «с» (перед гласными и перед звонкими гласными сохраняется «з»).
6. В родительном падеже прилагательных, причастий, местоимений пишется «-ого», «-его», — вместо «-аго», «-яго».
7. В именительном и винительном падежах множественного числа прилагательные женского и среднего рода пишутся с окончанием «-ые», «-ие» — вместо «-ыя».
8. Вместо «ѣ» в именительном падеже множественного числа в слове «онѣ» пишется «они».

9. Вместо «однѣ», «однѣх», «однѣм», «однѣми» в женском роде пишется «одни», «одних», «одним», «одними».

10. Вместо «ея» в родительном падеже женского рода пишется «ее»

11. Упрощается и уточняется перенос слов: а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не отделяется от этой гласной; б) группа согласных в начале слов не отделяется от гласной; в) буква «й» перед согласной не отделяется от предшествующей гласной; г) конечная согласная, конечное «й», группа согласных в конце слов не отделяются от предшествующей гласной; д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строчку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной.

Усвоение правописания по этим правилам облегчилось. Не затрачиваются теперь силы и время на изучение, вернее — механическое зазубривание тех слов, в которых пишется буква «ѣ». Не нужно теперь запоминать правил, когда пишется «и» и когда «і», в каких прилагательных пишется во множественном числе «-ые», а в каких «-ыя». Приведено в систему написание окончаний родительного падежа: ведь по прежним правилам в одном случае нужно было писать «-ого», — «золотого», «родного» или «-его» — «своего», а в другом «-аго» — «краснаго» или «-яго» — «синяго». Здесь мы, конечно, имеем введение единообразия.

Однако и это облегченное правописание, как показывает опыт, не разрешило окончательно вопроса о максимальном в пределах возможности, без нарушения того, что сказано выше, сближении языка письменного с языком звучащим. Реформированное правописание с трудом еще усваивается малограмотными и неграмотными при работе с ними по ликвидации их неграмотности. Особенно трудно дается оно учащимся нацменьшинств.

Поэтому и сейчас продолжают специалисты по языку работать над вопросом о новой реформе правописания с целью его упростить максимально, но вместе с тем научно обоснованно и с учетом некоторой неизбежной необходимости в условности письма.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ.

Мы уже в начале книги, в первой беседе, говорили о том, какое значение имеет язык в классовой борьбе. Здесь в заключение, подводя итоги, мы еще раз со всей силой должны подчеркнуть, что переживаемый нами период социалистической перестройки всей жизни, завершение фундамента социализма есть период решающий. Стройка новой жизни, окончательная ликвидация остатков старого протекают в условиях все обостряющейся классовой борьбы как внутри Советской страны, так и в окружающих ее капиталистических государствах. Эта борьба сопровождается усиленным потоком лжи и клеветы со стороны классовых врагов на Советский Союз, на его великое дело. Удачное завершение индустриальной пятилетки немыслимо без подведения под нее культурной работы, без участия масс в строительстве социализма. А это участие масс может быть активным, творческим и плодотворным

только при условии поднятия их культурного уровня. Самое главное в работе по вовлечению трудящихся масс в сознательное, проникнутое социалистическим энтузиазмом (подъемом) творчество — это вооружение их основными знаниями. А таким основным элементом, основной частью в поднятии культуры является грамотность. «Победить народом безграмотным,—говорил Ленин,— победить народом некультурным нельзя». Поэтому наряду с индустриальной пятилеткой не меньшее значение имеет культурная пятилетка. Даже больше, — без твердого, основательного подведения культурной работы в широком размере под пятилетний индустриальный промфинплан успешное выполнение его ставится под угрозу срыва. Поэтому такое большое значение придают партия и правительство всеобучу, ибо борьба за всеобуч — борьба за стойкие, культурные, классово-ценные кадры. В этой борьбе за культурную пятилетку громадную роль играет культура языка и стиля. В начале книжки мы говорили об языке, как оружии в классовой борьбе. Пользоваться тупым, покрывшимся ржавчиной оружием в решительной схватке — это значит подвергать себя опасности поражения. Оружие должно блестеть, должно быть острым и легким. А это значит: наш язык как средство, как оружие должен быть четким, ясным, понятным. Много еще осталось в нашем языке такого, что мешает ему выполнить свое прямое назначение, много фальшивого. Неумелое, ненужное, подчас франтовское и бессмысленное употребление иностранных слов, бессознательное повторение слов, отражающих чуждую, враждебную идеологию чуждых классов: «слава богу», «ей-богу», «ожидоветь», «жидомор», безобразных, оскорбительных названий других народов—«черемисы» вместо «мари», «жид» вместо «еврей», «татарва» вместо «тюрки» и т. п. Наличие в речи политпросветработника грубых слов из языка среды, социально пролетариату чуждой, слов из преступного мира, излишняя вредная рисовка «красивыми» фразами, которые ничего не говорят, ничего не уясняют: насыщение речи «словами-паразитами»: «значит», «следовательно», «как сказано», «безусловно» и т. д.: пустое многословие, затемняющее и замазывающее остроту мысли, а подчас и искажающее самую мысль — все это не помогает осуществлению победы над классовым врагом, тормозит проведение в массы твердого убеждения в необходимости завершения великой стройки, несмотря на трудности роста, затрудняет борьбу с ложью и клеветой, которой пользуются наши враги. Плохой, неясный язык, путанный и тяжелый стиль отталкивают массы от учобы, от книги, от культуры, которые преподносятся в форме такого языка и стиля.

Поэтому культура языка и стиля, грамотность в письме и слове — одна из основных задач культурной пятилетки. «Четкий и ясный язык в массы!» «В бой за чистоту, простоту и понятность языка!»

Это — важнейшие лозунги в деле культурного строительства.

Роль языка политпросветчика в его работе с массой и его ответственность за свой язык.

Язык работника политпросвета (ликвидатора неграмотности, избача, культармейца, библиотекаря, книгоноши) в борьбе за куль-

туру играет громадную роль. Ликвидатор неграмотности в своей организационной, агитационной и повседневной работе с массами, со взрослыми необходимо должен владеть языком понятным и четким, должен избегать иностранных слов, уметь заменять их словами русскими, понятными неграмотному и малограмотному взрослому: во всяком случае давать этим словом объяснение. Избач при чтении газеты и книги колхозникам в своих обращениях к ним (беседа, доклад, лекция) должен иметь четкое представление о том языке, которым написана газета или книга, должен ознакомиться с ними, до чтения их колхозникам, чтобы во время чтения и беседы разъяснить непонятное. Избач, беседуя со своими слушателями, должен постоянно иметь в виду интересы этих слушателей: поэтому он должен следить за своим языком, не увлекаться красивыми звонкими фразами и словами; нужно стремиться к тому, чтобы тебя поняли, к тому, чтобы научиться кратко и просто излагать суть дела.

То же относится и к библиотекарю и к книгоноше — ко всем тем, кто стоит и работает на славном посту культурного фронта. За свой язык каждый солдат культармии ответственен так же, как и солдат Красной армии за исправность своего оружия.

Ближайшие задачи культармейца в борьбе за культуру языка в его работе с массой.

Эти задачи сводятся в следующие основные:

Во-первых, в отношении своего языка культармеец должен:

1. Сразу изгнать (или во всяком случае срочно отвыкать), следя за своей речью, из своего языка все слова, позорящие пролетариат как класс, строящий новую жизнь, новую культуру. Какие же это слова?

а) «Мат»—внедрившийся в речь не только взрослого, но и подростка. Эта гнусная отрыжка старого, прежнего, дореволюционного положения рабочего и крестянина, которые в условиях рабской жизни всю злобу и ненависть по отношению к эксплоататорам бессознательно выливали в оскорбление матери-женщины. Это позорнейшее пятно нашей речи недостойно рабочего и колхозника, несовместимо со всей нашей политикой, поставившей женщину в почетные ряды товарищей — строителей общей светлой жизни.

б) «Блатной язык» — слова, заимствованные из преступного мира, связанные с воровством, с убийством, слова, созданные преступниками в целях сокрытия своих следов: это тайный язык преступного мира. Пролетариату, рабочему и колхознику, партийцу и комсомольцу не по пути с преступниками. Мы должны перевоспитывать эту среду, а не поддаваться ее влиянию и воздействию.

2. Не употреблять иностранных слов, если не знаешь точного их значения и не сумеешь их толково и просто объяснить. Если невозможно избежать иностранного слова, если без него нельзя обойтись, посмотрим в словарике, что оно значит. Мы не говорим тут о тех словах, которые прочно вошли в нашу речь и понятны каждому («трактор», «коммунизм», «декрет» и т. п.).

3. Строить свою речь простыми, по возможности короткими фразами (предложениями).

4. Изгнать из своей речи «слова-паразиты»: «конечно», «сле-

довательно», «значит», не употреблять этих слов, когда они не являются нужными.

5. В письменной речи, отчетах, в стенгазете, статьях надо руководствоваться этими же указаниями.

Во-вторых, в отношении языка тех, кого обучает и с кем работает культармеец, он должен:

1. Вести разъяснительную пропаганду за изгнание из языка трудящихся, главным образом рабочих и колхозников, «мата» и слов преступного мира (блатных слов).

2. Помогать товарищам в понимании ими иностранных слов, разъясняя эти слова, точный смысл их, предлагая каждый раз по возможности избегать их, если можно заменять соответствующим русским словом.

3. Помогать товарищам точнее, яснее и короче выражать свои мысли как в устных выступлениях (при отчетах, докладах и т. п.), так и в письменной речи (справки, заявления, заметки в стенгазету, протоколы и т. п.).

4. Отучать их от употребления «слов-паразитов», о которых сказано выше.

Средства к поднятию языковой культуры.

Как, какими средствами можно бороться за культуру своего языка и языка окружающих, главным образом тех, с кем работает культармеец?

1. Прежде всего это постоянное наблюдение за своей речью, внимательное к ней отношение, особенно тогда, когда нужно самому отучиться и других отучить от «мата», от «блатных» слов.

2. Громадную роль в поднятии культуры языка играет чтение художественных произведений лучших мастеров слова как старого времени (Пушкин, Гоголь, Некрасов, Чернышевский, Чехов, Салтыков), так и современных (Гладков, Ляшко, Либединский, Горький, Серафимович и др.). Но нужно иметь в виду, что учоба у классиков, образцовых писателей дореволюционного времени ни в коем случае не должна заключаться в слепом и рабском подражании им. У них следует брать лишь стремление их к четкости, к ясности, к выразительности. Ведь каждый из них в этом направлении упорно работал над своим языком и стилем, над тем, чтобы достичь наибольшей выразительности, понятности и образности. Черновики каждого из великих мастеров слова свидетельствуют об их большой работе над своей речью, об их требовательности к тому, что и как они пишут. Учась языку у классиков, нужно помнить однако, что одни из них нам классово-чужды, что другие только некоторыми сторонами своего отношения к действительности, к жизни, соприкасаются с нашей эпохой. Поэтому в своей работе за культуру языка мы не должны следовать за ними слепо и безусловно без учета классовости их языка и их образов.

Чтение научных и политических статей и сочинений также играет громадную роль в поднятии культуры языка, но оно должно обязательно сопровождаться выпиской из словарика непонятных слов иностранного происхождения (для этого завести тетрадочку).

3. В отношении культуры стиля помимо чтения большое значение имеет активная работа над своим стилем. А это может быть

осуществлено (и это следует делать культармейцу!) путем работы над книгой. Работа над книгой должна заключаться:

1. В кратком планировании той или другой небольшой газетной статьи, главным образом передовицы или очерка (из «Комсомольской правды», из «Известий», из «Правды»). Планирование состоит в том, что вся статья разбивается на несколько частей соответственно тому, какие мысли в этой статье одна за другой изложены. Обычно в статье (в газете или в книге) это уже сделано тем, что имеются так называемые «красные строчки», или «абзацы», т. е. изложение новой мысли печатается с небольшим отступлением начала строки вправо. Затем после разбивки статьи на части нужно дать краткое название этой части. Запись таких названий всех частей статьи в таком порядке, как они, части, идут в статье, и будет планом.

2. В кратком изложении, пересказе той или другой части (или всей статьи в порядке записанных названий).

3. В выписывании важных мест.

Подробные и полные указания о содержании и характере этой работы даны в сочинении Лядова «Как работать над книгой».

4. Много помогает выработке четкого, ясного языка, простого и выразительного стиля составление лозунгов и плакатов.

5. Для того чтобы научиться правильно и четко высказывать свои мысли (письменно и устно), надо знать законы, по которым соединяются слова и фразы (предложения). Тут большую помощь окажет изучение грамматики русского языка. Работник политпросвета, главным образом ликвидатор неграмотности, сам занимающийся со взрослыми по поднятию культуры их речи, должен найти время в целях повышения своей квалификации, для проработки основных вопросов грамматики. Тут ему поможет целый ряд учебных книг, в которых, помимо теории он может найти и упражнения в развитии уменья составлять предложения различного объема. При пользовании такими книгами нужно однако иметь в виду, что почти все они в своей теоретической части не отражают еще того понимания языка, которое дано в настоящей книжке. Практическая часть (упражнения и задачи), имея значение тренировочное, по своему содержанию в некоторых из них далека от бурных темпов нашей социалистической стройки и от классовой борьбы. С определенной осторожностью, с учетом данного замечания, для практической работы такими книгами пользоваться все же возможно.

Пути и методы работы по языку со взрослыми.

Всем вышеизложенным в этой беседе определяются пути, по которым нужно итти культармейцу в его работе по культуре языка и стиля взрослых, а именно:

1. Обогащение словаря взрослого, расширение его словарного запаса, осмысление его осуществляется путем наблюдения над языком окружающей его среды с выделением и восприятием того, что классово, политически, социально и производственно ценно. Такое же наблюдение надо производить и по отношению новых слов, встречающихся в читаемых книгах и статьях. Следует выяснять значение этих слов, их точное понимание, правописание.

Сюда же относится работа над иностранными словами, прочи-

танными в газетах или услышанными в речах и докладах на собраниях. Запись таких слов, письменное объяснение их, правописание, составление фраз (лозунгов, плакатов), включающих вновь узнанное иностранное слово (также и русское),—вот путь усвоения их.

2. Работа над стилем письменной и устной речи учащихся-взрослых может протекать в такой последовательности (в связи с работой по расширению словарного запаса):

Письменная речь: 1) составление лозунгов к очередной кампании; 2) составление плакатов; 3) заявление; 4) небольшая заметка в стенгазету; 5) справка; 6) изложение небольшой газетной телеграммы (одной или нескольких, подобранных по одной теме) и т. д. с постепенным усложнением в размере и степени самостоятельности.

Устная речь: 1) краткое сообщение по проделанной за день работе на предприятии (завод, фабрика, колхоз, совхоз); 2) сообщение о плане своей общественной работы на ближайшее время; 3) сообщение о ходе соцсоревнования на предприятии (на том участке, на котором работает данный учащийся); 4) беседа о прочитанной книге (по вопросам или в цельном сплошном изложении, если книга небольшого размера); 5) изложение газетной статьи (передовой) по заранее проработанному плану; 6) выступление на занятиях с небольшим отчетным докладом по заранее приготовленному плану; 7) доклад по вопросу очередной кампании на основе прочитанного материала.

Большинство политпросветработников—комсомольцы. Поэтому подконец следует напоминать слова Ленина в 1920 г.:

«Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось бы за это дело.

Коммунизм состоит в том, чтобы молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело.

Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной, безграмотной страны в грамотную—нельзя; но, если за это дело возьмется союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400 тыс. юношей и девушек, имеет право назваться союзом коммунистической молодежи. Задача союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности.

Быть членами союза молодежи—значит вести дело так, чтоб отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами».

ЛИТЕРАТУРА.

Для составления настоящей книжки автор использовал следующие основные материалы:

1. Сочинения В. И. Ленина.
2. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, Гиз, 1926 г.
3. Сталин и Каганович, Доклады и заключительное слово на XVI партсъезде.
4. Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма.
5. К. Маркс и Ф. Энгельс, О Л. Фейербахе (архив К. Маркса и Ф. Энгельса).
6. Ф. Энгельс, Диалектика природы, Москва—Ленинград, Гиз, 1930 г.
7. П. Лафарг, Язык и революция, „Academia", Москва—Ленинград, 1930 г.
8. О. Трахтенберг, Беседы с учителем по диалектическому материализму, изд. 3, „Раб. просв.", М., 1928.

Кроме того автор пользовался следующими книгами и статьями:

9. Презент, Происхождение речи и мышления.
10. Акад. Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928.
11. Он же, Актуальные проблемы и задачи яфетической теории, изд. Комакадемии, М., 1929.
12. Он же, Язык и письмо, Ленинград, 1930.
13. Он же, Родная речь—могучий рычаг культурного подъема, Ленинград, 1930.
14. И. И. Мещанинов, Введение в яфетидологию, „Прибой", Ленинград, 1929.
15. Он же, „Яфетодология марксизм", 1930 г.
16. Он же, К вопросу о стадиальности в письме о языке, Л, 1931.
17. А. М. Селищев, Язык революционной эпохи, М., „Раб. просв.", 1928
18. Г. Винокур, Культура языка, М., „Раб. просв.", 1925.
19. Р. Шор, Язык и общество. М., „Раб. просв.", 1926.
20. В. Танков, Опыт исследования воровского языка, Казань, 1930.
21. А. Меромский, Язык селькора. М., „Федерация", 1930.
22. Литературная энциклопедия, изд. Комакадамии.
23. Статьи В. Б. Аптекаря, Г. К. Данилова, акад. Н. Я. Марра Р. И. Шор, В. Ф. Яковлева, Л. Якубинского и др. в журналах „Литература и искусство", „Литература и марксизм", „Русский язык в советской школе", „Литературная учоба" и в других изданиях.
24. Доклады и прения в „Постоянной комиссии московских преподавателей русского языка" (секретарем этой комиссии состоял автор настоящей книжки).

Помещенные в тексте карты распространения письменности в царской России и в СССР являются копиями с соответствующих карт, принадлежащих кабинету языка и литературы ЦИПККНО и составленных проф. Р. И. Шор, любезно разрешившей использовать их в настоящей книжке. Подлинники для кабинета ЦИПККНО исполнены т. Заксом, копия для книжки снята т. П. А. Смирновым, пиктографические и идеографические знаки частью заимствованы из II тома „Литературной энциклопедии" (статья Н. М. Каринского и Р. И. Шор „Графика"), частью из экспонатов кабинета языка и литература ЦИПККНО.

СОДЕРЖАНИЕ Страницы

Цена 80 коп.

